

НАРИНЭ АБГАРЯН
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН
и другие

Удивительные истории

Бабушках
и
дедушках

Марина Эшли
Валерий Лисицкий
Светлана Кулакова
Светлана Пригорницкая
Наталья Викторовна Бакирова
Иван Бескровный
Светлана Волкова
Мария Руслановна Якунина
Ольга Есаулкова
Наринэ Юриковна Абгарян
Виктория Викторовна Топоногова
Александр Евгеньевич Цыпкин
Александр Васильченко
Мария Орехова
Наталья Проконина
Лидия Королёва
Наталия Лирон
Валентин Стасюк
Юля Фаро
Наталья Панишева
Т. Абрамова-Милина

Саша Арсланова

Оксана Михайловна Иванова

Елена Темнова

Удивительные истории о бабушках и дедушках (сборник)

Серия «Удивительные истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63068833

Удивительные истории о бабушках и дедушках: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-132588-6

Аннотация

Марковна расследует пропажу алмазов. Потерявшая силу Лариса обучает внука колдовать. Саньке переходят бабушкины способности к проклятиям, и теперь ее семье угрожает опасность. Васютку Андреева похитили из детского сада. А Борис Аркадьевич отправляется в прошлое ради любимой сайры в масле.

Все истории разные, но их объединяет одно – все они о бабушках и дедушках. Смешных, грустных, по-детски наивных и удивительно мудрых. Главное – о любимых.

О том, как признаются в любви при помощи классиков, как спасают отчаявшихся людей самыми ужасными в мире стихами,

как с помощью дверей попадают в другие миры и как ждут внуков в старой заброшенной квартире.

Удивительные истории. О бабушках и дедушках.

Содержание

Наринэ Абгарян	6
Александр Цыпкин	22
Оксана Иванова	29
Юля Фаро	46
Светлана Волкова	59
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Удивительные истории о бабушках и дедушках (Сборник)

**Наринэ Абгарян
Бегония**

Ничто не радовало Максима Георгиевича в предновогоднее утро: ни пенсия, которую повезло получить накануне за пять минут до закрытия банка, ни внезапно нормализовавшееся давление – пришлось аж три раза измерить на обеих руках (один раз сидя, дважды – лежа), чтобы убедиться, что тонометр не врет.

– 130 на 80, практически молодость, – хмуро констатировал он, убирая аппарат в ящичек тумбочки. И даже бегонии, распутившейся пышным розовым цветом аккурат к морозам, не суждено было порадовать его.

– Нашла время! – проворчал Максим Георгиевич, переставляя ее на подоконник – поближе к скудному зимнему свету.

Завел он ее себе в мае, сразу после похорон жены. По пути с кладбища зачем-то заглянул в ларек на выходе из метро

и попросил бегонию. Ехал потом семь остановок на автобусе, бережно прижимал к груди горшок с чахлым кустиком и утирал слезы насквозь промокшим носовым платком.

Анютка очень переживала, что он курит. Совестила и просила, чтобы бросил. Покупала журналы по здоровью и читала ему о вреде табака.

– Завтра брошу! – отмахивался он.

– Сколько раз ты мне это уже обещал?!

Максим Георгиевич делал виноватое лицо и, выждав некоторое время, сутулясь и кашляя в кулак, выходил на лестничную клетку, чтоб покурить в распахнутую форточку. Во дворе протекала обычная московская жизнь, соседи в квартире напротив по своему обыкновению ругались так, что слышно было через тяжелую металлическую дверь, по трубе мусоропровода с грохотом скатывался хлам. Максим Георгиевич чутко прислушивался и, если мусор падал вниз со стеклянным звоном, сокрушенно качал головой: «Что за люди, ведь сто раз просили стеклянное на помойку выносить!»

В апрельском номере «Лечебных писем» Анютка нашла статью, где обстоятельно расписывались полезные свойства бегонии.

– Тут говорится, что она очищает воздух и потому строго рекомендуется заядлым курильщикам. Давай заведем. Чистый воздух – залог здоровья.

– Помрем хоть здоровыми, – хмыкнул Максим Георгие-

евич. Любовь супруги к народным рецептам казалась ему чем-то вроде причуды, и он часто подтрунивал над ней. Она не обижалась.

Бегонию он приобрел в память об Анютке, пускай будет, раз она этого так хотела. Бросать курить не собирался, смысл бросать, когда из близких остались только пожилая дворняжка Тузик, альбом с пожелтевшими семейными фотографиями и читанные-перечитанные книги, содержание которых помнишь наизусть. Ну и стопка журналов «Лечебные письма», которые рука не поднялась выкинуть.

Тузик после ухода хозяйки совсем сдал, лежал на своем коврикe и молчал. Ел с большой неохотой, страдал обострением артрита. Максим Георгиевич варил каши на бульоне – себе и ему. Наложит две одинаковые порции, свою чуть подсолит, ест и нахваливает. Тузик какое-то время смотрел с жалостью, потом тоже принимался за кашу.

– Что поделаешь, – вел с ним разговор Максим Георгиевич, орудуя ложкой, – так велел ветеринар. Нужно, говорит, заинтересовать тебя едой. Вот стараюсь, как могу. Ты уж не обессудь, если что не так.

Тузик запивал кашу водой и отворачивался к стене. Тосковал по Анютке.

Максим Георгиевич приобрел хозяйственную сумку на колесиках и вывозил его во двор – подышать свежим воздухом и сходить до ветру. Сегодня пришлось в плед укутать – мороз на улице стоял сухой, хрусткий, аж дореволюцион-

ный – не вдохнуть и не выдохнуть. Анютка бы сказала – сусально-серебряный. Она очень любила слово «сусальный». Лето у нее было сусально-золотое, зима – сусально-серебряная. Лето в этом году выдалось жарким, зима ударила морозами. «Вот только зря старались, некому теперь вас сусальными называть!» – думал Максим Георгиевич, помогая Тузику выбраться из-под пледа.

На обратной дороге заглянули в продуктовый – прикупить хлеба и куриных крыльев. Магазин переливался новогодними огоньками, в витрине стоял огромный Дед Мороз – дородный, краснощекий – и приветственно махал прохожим красной варежкой. «И не подумаешь, что ненастоящий!» – проворчал Максим Георгиевич. Его сегодня действительно ничто не радовало, и даже веселый, словно из далекого детства, Дед Мороз навевал одно только уныние.

Он оставил сумку с Тузиком возле камер хранения, вопросительно глянул на охранника – тот покосился на собаку, но махнул рукой – не оставлять же на морозе. Максим Георгиевич коротко кивнул и прошел в зал. 31 декабря магазин работал до семи. До закрытия оставалось еще два часа, посетителей было очень мало – люди заблаговременно купили нужное и теперь, наверное, готовились к празднику. Анютка делала все обстоятельно: туго крахмалила кружевную скатерть, сворачивала из салфеток зайчиков со смешно торчащими ушками, зажигала обязательные красные свечи, заводила проигрыватель... Эх! У Максима Георгиевича защипа-

ло в носу. Он часто заморгал, отгоняя слезу, отругал себя за безвольность и решительно направился в отдел выпечки. Там он положил в тележку кирпичик дарницкого (надолго хватит), чуть поколебавшись, добавил еще коробочку курабье – к чаю. Осталось взять куриных крыльев и несколько пакетиков кошачьего корма – любимого лакомства Тузика. Путь лежал через молочный отдел. Вдоль морозильных ларей с мороженым, задумчиво распевая себе под нос песенку про елочку, ходил приставным шагом пятилетний мальчик в голубом комбинезоне. Иногда, прервав пение, он прижимался носом к прозрачной дверце и декламировал по слогам: «Плом-бир сли-воч-ный в мо-лоч-ном шо-ко-ла-де». И добавлял с восторженным шепотом: «Вау!»

– Где мама? – спросил Максим Георгиевич.

Мальчик не обернулся.

– Там, – махнул он в сторону отдела фруктов-овощей и продолжил чтение: – «Сахар-ный ро-жок плом-бир с клюквой».

Максим Георгиевич сразу разглядел маму мальчика (она выбирала мандарины, приюхиваясь к плодоножкам), но на всякий случай решил уточнить. Он помахал рукой, привлекая к себе ее внимание:

– Это ваш ребенок?

– Мой! – кивнула она. И поспешно добавила: – Он совершенно безобидный.

– Не такой уж и безобидный! – сварливо прогундосил

мальчик.

– Артем! – смутилась мама. У нее было очень располагающее к себе открытое лицо и ямочки на щеках.

– Сама же и называла меня горем луковым! – проворчал мальчик и обернулся.

Максим Георгиевич крикнул – щека у него была залеплена большим пластырем.

– Это я случайно с Севой подрался, – пояснил мальчик.

– Специально дерутся только дураки, – согласился Максим Георгиевич.

– Да?

– Зуб даю.

Мальчик округлил глаза.

– Зачем?

Максим Георгиевич, продолживший было свой путь, притормозил:

– Что зачем?

– Зачем зуб даешь?

– Ну... Это выражение такое. Наподобие клятвы. Можно сказать «клянусь», а можно – «зуб даю».

Мальчик почесал себе нос.

– Понятно.

– Я пошел? – спросил разрешения Максим Георгиевич.

– Иди.

Кассирша пробила чек неправильно – продублировала печенье.

– Исмаил, подойди, пожалуйста! – пропела она тонким голоском в переговорную трубку.

Максим Георгиевич удивленно вздернул брови – буквально минуту назад она спросила у него хорошо поставленным басом социальную карту москвича. Исмаил оказался невысоким ослепительно лысым мужичком с мохнатыми бровями. Кассирша кокетливо улыбнулась ему и делано вздохнула – не знаю, что со мной сегодня происходит, постоянно перебиваю.

– Жить просто без меня не можешь, – хохотнул Исмаил.

– Не могу. Женишься на мне?

– А свою жену куда девать?

– Не знаю, не знаю, – последовал певуче-жеманный ответ.

Максим Георгиевич поспешно сложил в авоську продукты.

ты.

– Счастливого вам Нового года! – крикнула ему вдогонку кассирша.

Пришлось пожелать ей того же.

* * *

Фонарь за окном, наконец-то починенный к праздникам, освещал кусочек тротуара с припаркованной заснеженной машиной, на лобовом стекле которой кто-то вывел незатейливое «Люблю Любу».

– Ишь, – хмыкнул Максим Георгиевич, нацепив на кончик

носа обе пары очков – для улицы и для чтения, и разглядывая надпись.

– Пиу-пиу-пиу! – взмыли в небо фейерверки и, взорвавшись разноцветными огнями, растворились в темноте.

Тузик завозился на своем коврике, вздохнул – он с детства не переносил шума и даже к старости, изрядно потерявши слух, нервно на него реагировал. Хотя сейчас скорее чувствовал его, чем слышал.

– Всю ночь будут взрывать. Придется потерпеть, – Максим Георгиевич с кряхтением нагнулся, погладил его по голове, почесал за ухом. Тузик с благодарностью лизнул ему ладонь, прикрыл глаза.

Анютка тоже не переносила шума. Она умела каким-то непостижимым образом убавлять вокруг себя звуки и приглушать тона – говорила всегда полупшепотом, работала практически бесслышно. И мир как будто подлаживался под нее – деликатничал, притихал. Когда ее не стало, живая, наполненная заботой и нежностью тишина обернулась в бездушную и каменную. Только Анютка могла согреть ее своим ненавязчивым, тактичным присутствием.

Максим Георгиевич отчаянно тосковал по ней. Когда становилось совсем невмоготу, он выдергивал из стопки «Лечебных писем» журнал, раскрывал на последней странице и читал письма одиноких стариков, желающих найти себе вторую половинку. Никого он себе не искал, но чужими поисками удивительным образом утешался. Скупое комментиро-

вал письма, над некоторыми смеялся в голос, утирая слезу умиления.

– «Мне исполнилось всего 84 года». Всего 84, а?

– «Хотелось бы познакомиться с работающим дедушкой (без интима). Будем вместе ходить в лес по грибы, по ягоды и на речку купаться». Ишь, без интима ей. Где его в нашем возрасте возьмешь-то, интим этот?

– «Вдовец, 74 года. Был женат 5 раз. 4 раза неудачно, а пятый раз – со смертельным исходом». Кхех!

– «Ищу женщину не старше 50 лет. Приезжай, родная, если ты без судимости». А раз с судимостью, то ходи незамужней!

Максим Георгиевич захлопнул журнал, убрал на место. Достал из пачки сигарету, размял в пальцах.

– Покурить отпустишь?

Тузик не ответил.

– Я быстро.

Он накинул на плечи жакет (Анютка к семидесятилетию связала), завозился с замком, который раз упрекая себя за то, что забывает его смазать. Курил, ежась и постукивая ступней о ступню – холод в подъезде стоял нешуточный.

Дверь соседней квартиры приоткрылась, Максим Георгиевич нехотя обернулся, чтобы поздороваться.

Артем стоял в дверном проеме и смотрел на него правым глазом – левый был скрыт за косяком.

– А что это ты здесь делаешь? – спросил он.

Максим Георгиевич поспешно загасил сигарету.

– Живу. А что ты здесь делаешь?

– Ты снова открыл входную дверь? – слышалось откуда-то из глубины квартиры.

– Мам, смотри, кого я тут нашел! Того дедушку из магазина.

– Какого дедуш... – Мама Артема выглянула на лестничную клетку и обомлела.

– Я в квартире напротив живу, – пояснил Максим Георгиевич.

– Надо же, какое совпадение! А я – коллега ваших соседей. Они уехали на отдых в Таиланд, попросили за котом присмотреть. Вот мы с сыном и переехали. – На целых десять дней! – вставил Артем.

– Рад, что мы будем соседями целых десять дней. Меня зовут Максим Георгиевич.

Она протянула руку:

– Я Маша.

Он пожал ее руку и неожиданно для себя спросил: – Вам есть с кем Новый год встречать? Если нет – приходите ко мне. Вместе будет веселей.

Артем радостно подпрыгнул, но тут же деловито поинтересовался:

– А чем ты нас кормить будешь?

– Ничем, – растерялся Максим Георгиевич, – я, честно говоря, и не собирался отмечать. Но раз такое дело... – Он

запнулся, не зная, как закончить предложение.

– Вы один живете? – спросила Маша.

– У меня Тузик. Дворняга. И бегония, которая с какой-то радости расцвела сегодня утром.

Маша улыбнулась широко и открыто. «Совсем девочка», – подумал Максим Георгиевич.

– А знаете что? Приходите-ка к нам с Тузиком и бегонией. У нас утка. И оливье. Правда, я туда вместо яблок репчатый лук добавляю, но это ведь ничего?

– Ничего, – согласился Максим Георгиевич.

– А еще у нас свекольный салат с грецкими орехами, сливками и чесноком. И торт, правда магазинный, но вкусный.

Артем дернул мать за рукав:

– Откуда знаешь, что вкусный? Ты же не пробовала его.

– Предчувствую, – коротко ответила Маша.

Максим Георгиевич кинул окурок в баночку, которая служила ему пепельницей, крепко закрутил крышку.

– Можно я спрошу? Почему вы нюхали мандарины?

Маша убрала руки за спину. Ответила, глядя чуть выше его плеча. Словно высматривала за спиной кого-то.

– У деда в Сухуми был большой мандариновый сад. Мне годика четыре было, но я до сих пор помню. Деда давно нет, и сада тоже нет. А я все нюхаю мандарины. Даже не знаю зачем. Может быть, ищу тот запах из детства. И не нахожу.

Артем слушал мать, затаив дыхание. Пластырь на щеке съехал набок, открыв обработанную йодом неглубокую ца-

рапину. Максим Георгиевич вздохнул, улыбнулся.
– Спасибо за приглашение. Придем обязательно.

* * *

Новогодняя ночь прошла за разговором. Артем спал на диване, уткнувшись лбом в теплую спинку кота, мигающие гирлянды раскрашивали комнатную темноту разноцветными огоньками. Тузик, не по возрасту бодрый, лежал в ногах Маши, положив голову на ее тапочку. Если она вставала, чтобы заварить новую порцию чая, он тут же выпускал тапочку и, резво цокая по паркетному полу когтями, сопровождал ее до плиты. Когда она усаживалась за стол, он тут же завладевал тапочкой.

– Ты, главное, не съешь ее, – шепнул Максим Георгиевич, подняв край скатерти. Тузик, моментально оскорбившись, глянул на него так, словно лапой у виска покрутил. «Ишь», – подумал Максим Георгиевич, но вслух ничего говорить не стал.

Маша рассказала ему обо всем: о родителях, похороненных в Калуге, о неудачном первом браке, о своем непростом решении уехать в Москву к любимому человеку, который вроде с тобой, а на самом деле – нет...

– Женат? – прямо спросил Максим Георгиевич.

– Женат. Пять лет обещает развестись.

– Зачем вам мужчина, который не умеет слова сдерживать?

– Незачем. Потому я и согласилась пожить здесь. Нужно понять, как дальше быть.

Максим Георгиевич машинально размешал чай. Отпил, поморщился – переложил сахара.

– Свежего заварить? – поднялась Маша.

Тузик с готовностью высунулся из-под стола, чтобы сопроводить ее до плиты.

– Нет, спасибо.

За окном взрывались петарды, у соседей сверху громко играла музыка, на дне салатницы осталось немного оливье – Максим Георгиевич отломил кусочек хлеба, подобрал остатки салата, съел с нескрываемым удовольствием. Анютка натирала туда антоновку и добавляла только яичные желтки, заправляла оливковым маслом – берегла сердце. У Маши он был почти классический, только яблоки заменял репчатый лук, получилось острее и на удивление вкуснее.

– Я пятьдесят лет ел только то, что готовила Анютка. Думал, что ничего вкусного больше не попробую. А теперь вот! – признался Максим Георгиевич. И заплакал.

И, пока Маша бегала в его квартиру – за корвалолом, а проснувшийся Артем, с котом под мышкой (кот висел неудобно, ушастой башкой вниз, но попыток вырваться не делал), гладил его по плечу, он рассказывал, рассказывал, как они жили с Анюткой – душа в душу, пятьдесят с лишним лет, и как она собиралась купить бегонию, но не успела, легла и не проснулась, как жила, согревая собой все, что

ее окружало, как однажды, сорок лет назад, она влюбилась в другого, призналась ему и попросила отпустить, но он не смог этого сделать, потому что любил так, что казалось – уйди она, и он прекратит дышать, и как он стоял перед ней на коленях, умолял не бросать его, и она осталась, и никогда, ни разу он не попрекнул ее случившимся, и она ни разу не попрекнула его тем, что не дал ей уйти, и как не случилось детей, хотя они о них мечтали и никогда не теряли надежды, и как он оплакивал Анютку, как перебирал ее платья в шифоньере, как нашел в коробке из-под обуви дневник, где она писала о своей любви к нему и о том, что ни минуты не сожалеет о том, что осталась с ним, и как сегодня расцвела бегония, а на заснеженном капоте машины кто-то вывел глупое «Люблю Любу» и заключил в кривенькое, но сердце, столько в мире любви, плакал Максим Георгиевич, впервые не стыдясь своих слез и не коря себя за мягкотелость, столько в мире любви, а у меня ее нет и никогда уже не будет!

Лег он почти под утро, усталый и опустошенный. Тузик свернулся в ногах и на каждый шорох настороженно приподнимался, спи, все хорошо, попросил Максим Георгиевич, и тот уснул наконец, положив тяжелую голову ему на ногу, и храпел во сне, и даже дергал лапой – наверное, гонялся за кем-то, а может быть, убегал от кого-то. Видишь, как все вышло, крепился-крепился и сорвался перед чужими людьми, нет пытки хуже, чем одиночество, теперь я это знаю наверня-

ка, шептал Максим Георгиевич, ведя один из своих нескончаемых безответных диалогов, которые стали единственной возможностью его существования – казалось, прекрати он говорить с Анюткой, и жизнь в тот же миг закончится. Разбудил их долгий звонок в дверь, Тузик сполз с кровати, поплелся, припадая на правую лапу, хэх, забыли вчера лекарством намазать, закручинился Максим Георгиевич, натягивая брюки, иду, уже иду, крикнул он, водружая на переносицу очки, шел, держась за стену, – ломило затылок, отпирал, привычно коря себя за то, что забыл смазать замок. За дверью обнаружили Маша, Артем, кот и бегония, которую он вчера забыл у них, у кота торчали глаза и уши, у Артемки на щеке был новый, красный пластырь вместо вчерашнего желтого, Маша прижимала к груди горшок с бегонией и большой термос, бегония расцвела пуще вчерашнего и даже, кажется, пахла, что в термосе? – спросил Максим Георгиевич, сторонясь, чтобы пропустить их в квартиру, куриный бульон, звонко отрапортовал Артем, будем вас лечить, добавила Маша, от чего? – спросил Максим Георгиевич, от всего, ответила Маша, показывайте, где тут у вас тарелки.

Бульон оказался действительно целебным, у Максима Георгиевича прошла голова, а Тузик прекратил прихрамывать, потом они с Артемом смазывали замок, то есть Максим Георгиевич смазывал, а Артем стоял рядом и ковырялся в носу, наблюдая свое отражение в большом старинном зеркале, а на замечание, что ковырять в носу некрасиво, согласился,

что вообще-то некрасиво, но в этом зеркале красиво, потом Маша сходила за остатками вчерашнего торта, и они пили чай, Максим Георгиевич завел проигрыватель и учил их сворачивать из салфеток ушастых зайчиков, и, пока мать с сыном, одинаково склонив к левому плечу головы, возились с салфетками, он думал о том, что, если она решит расстаться с тем мужчиной, он позовет их жить к себе, почему нет, в квартире есть свободная комната, Артемка будет ему вместо внука, а Маша – вместо дочери, которой у них с Анюткой так и не случилось, нет ничего хуже одиночества, он знал это наверняка, и потому очень хотел, чтобы они не догадывались о том как можно дольше. Лучше бы, конечно, никогда.

Александр Цыпкин

Сатирическая драма о любви и деньгах или о любви к деньгам

Не думал, что когда-нибудь сознаюсь в этом детском грехе. Сюжет простой: я дал в долг бабушке и дьявол чуть не купил мою душу за двенадцать рублей.

Но по порядку.

Было мне одиннадцать лет, все шло хорошо, из денег я предпочитал красные десятки, хотя давали мне в школу максимум желтоватые рубли. Копейки и вовсе за деньги мною не воспринимались. Но лишь до тех пор, пока я не получил в подарок копилку. Опустив в борова первую монету, я сразу же лишился рассудка. Откуда-то взялась патологическая жадность и развился слух. Тратить деньги я перестал в принципе, а звон выпавшего из кармана чужого медяка слышал за несколько километров. Мне до дрожи в пятках хотелось поскорее наполнить свиноподобный сундучок и посчитать сокровища. Я даже начал взвешивать копилку на безмене, чем немало озадачил родителей, которые не понимали, как можно перевести силу тяжести в деньги. Незадолго до окончательного заполнения фарфоровый сейф переехал ко мне в кровать. Я засыпал и просыпался с ним в обнимку, так как боялся, что чудовища, которые не живут под кроватью уже

пару лет как, вернутся и украдут накопленное.

Наконец наступил «день М». Я торжественно расколотил ларец, растекся между монетами, облобызал каждую, пересчитал их несколько раз, разложил по номиналу и достиг nirваны. Ненадолго вернувшись в реальный мир, я задумался: как же все это поменять на бумажные деньги? Малолетнему скряге пришлось обратиться к бабушке, которая умилилась и согласилась помочь. Следующим вечером она сообщила, что произвела обмен, но попросила эти деньги на пару дней в долг. Я был горд – профинансировал практически главу семьи! Проценты брать не стал. Еще через день бабушка попала в больницу, о чем я узнал из случайно услышанного разговора родителей.

Я, как мне кажется, не самый плохой человек и уж точно был хорошим ребенком. Близкие меня любили, и я их любил, заботился о них, рисовал им открытки, читал с табуретки стихи, писал про семью в стенгазете, гордился ею, ценил. Но в тот момент, когда я услышал о бабушкином несчастье, темная сторона силы сдула все ростки добродетели с поверхности моей души.

«А что будет с моими деньгами, если...» – проскочила мысль. Я загнал ее в самый дальний угол головы. Но и оттуда она сверкала пурпурно-фиолетовым. Мне было очень стыдно, мерзко и противно. Ох уж эти терзания порядочного человека, которые мешают спокойно совершать непорядочные поступки.

На мое и всеобщее счастье скоро выяснилось, что жизни бабушки ничего не угрожает, и я вновь стал ощущать себя достойным сыном своих родителей, пока не подслушал, что у бабушки после случившегося могут быть проблемы с памятью. Пока вопрос стоял: «жизнь или смерть», свет, разумеется, побеждал, и я не думал о деньгах, если не считать ту первую молнию сомнений. Но теперь дьявол занялся мною всерьез.

Я живо представил себе, как здоровая и невредимая бабушка возвращается домой. Все счастливы. Но она помнит обо всем, кроме своего долга. Воспаленное воображение нарисовало мне именно такую картину частичной потери памяти.

«Лучше бы она про что-нибудь другое забыла, например про тройки в четверти или про разбитую вазу, но ведь не вспомнит именно про деньги, уж я-то чувствую», – пару дней я провел, подробно изучая амнезию по имевшейся в доме медицинской литературе. Полученные знания меня не порадовали. Настроение ухудшилось до предела.

Ждать исхода не представлялось возможным, и я напросился на визит в больницу. Разумеется, признаваться в посещавших меня страхах в планах не было, но как-то прояснить ситуацию с бабушкиной памятью хотелось.

По дороге я провел разведку.

– Папа, а что, бабушка может про меня совсем забыть? – голосом, полным трагического сочувствия, поинтересовался

я у отца-врача.

– А что ты натворил? – отреагировал отец, знавший, с кем имеет дело, и ни капли не поверивший в мою сентиментальность.

– Я ничего, просто так спросил. – Изобразить научный интерес, очевидно, не удалось.

– Ты не волнуйся. Я, если что, про тебя напомним. – После этой фразы я замолчал до самой палаты.

– Ну вот зачем вы ребенка в больницу притащили? – Бабушка была достаточно бодр.

– Сам вызвался, – сказал папа.

– Спасибо, Сашуль, мне очень приятно. Как дела?

А вот мне не было очень приятно. Вновь я испытывал стыд и самобичевание.

«Спроси, спроси ее про дни перед больницей», – шептал в ухо внутренний демон, державший в руках коньки, на которые я собирал деньги.

– Хорошо, – выдавил я.

– Очень твоей памятью интересовался, – огрел дубиной и меня и демона смеющийся отец. Я мгновенно вспыхнул.

– Моей памятью? – удивилась бабушка.

Я ненавидел себя, весь мир, деньги, коньки, копилки и особенно папу.

– Ага, вероятно, рассчитывает, что ты о чем-нибудь забудешь. Уж слишком тревожный голос у него был, когда спрашивал. – Отец упивался моментом, не подозревая, насколько

ко далек был от истины.

– Слушай, а может, у меня и правда с памятью проблемы? Саня, напомни, что я должна забыть? Я не буду ругать, просто я грехов за тобой не помню последнее время.

Если бы я тогда знал, что такое сюрреализм, то точно бы охарактеризовал ситуацию этим словом. Я уже почти рыдал:

– Ты ничего не должна забыть! Я просто так спросил, когда услышал про болезнь! Я же все изучаю! – Это была правда. Я практически жил внутри Большой советской энциклопедии, если вдруг узнавал о чем-то новом.

– Да ладно, успокойся ты, ну забыла, значит забыла. Считай, что тебе повезло, – с улыбкой на лице «успокоила» меня бабушка. При этой фразе демон внутри меня начал смеяться. Я же был готов взорваться: «Повезло?!»

– Я пошел в туалет, – объяснил я свой уход голосом, дрожащим от обиды и разочарования.

«Деньги – зло. Я тону во вранье. Я больше никогда, никогда...» – вот такие мысли крутились в моей голове все дорогу из больницы домой. Я поклялся не давать в долг больше, чем готов потерять.

Вечером папа сдал мне мелочь, как это периодически происходило последний месяц, и спросил:

– Когда копилку-то разбиваешь?

Мне стало совсем нехорошо. В списке моих «никогда более» ложь находилась на первом месте, но рассказать отцу о судьбе накоплений в нынешних обстоятельствах означало

бы катастрофу. Положение было полностью безысходным. Похолодевшими губами я пролепетал:

– Я ее уже разбил, так что мелочь больше не нужна. Спасибо.

– И сколько насобирал? – не отвлекаясь от книжки, поинтересовался отец.

Его равнодушие так диссонировало с бурей внутри меня, что мне казалось – этот контраст осязаем и виден невооруженным взглядом, как парашют Штирлица в известном анекдоте.

– Двенадцать рублей, – обреченность чувствовалась в каждом слове.

– Куда дел?

Я как раз в тот момент читал «Колодец и Маятник» Эдгара По. В рассказе инквизиция создала комнату, в которой стены сжимаются и загоняют жертву в бездонный колодец.

– В долг дал, – выполз ответ.

«Господи, если он не спросит кому, я обещаю тебе... Ну в общем, все обещаю, что хочешь!!!» – пронеслось у меня в голове.

– Кому? – Папа отвлекся от книги и посмотрел на меня с неподдельным любопытством.

Бога нет. О'кей. Я опустил глаза, обмяк, усох и начал сознаваться:

– Баб...

Вдруг зазвонил телефон. Я рванул к нему:

– Але!

– Саня, это бабушка. Папа дома? И, кстати, не забудь у меня свои двенадцать рублей забрать, когда в следующий раз придешь.

– Да мне не горит. – От щек можно было прикуривать в тот момент. – Пап, тебя.

За время их разговора я стремительно почистил зубы, разделся, лег спать и, поняв, что не засну, учился изображать спящего. Папа так и не заглянул. Я вошел в роль и вырубился.

Эпилог

Через два дня я заехал к бабушке, забрал деньги, положил их в варезку, которую немедленно оставил в трамвае. Я не удивился и не расстроился. В графе «Уроки» стояло «Оплачено».

Оксана Иванова

Кружок взаимопомощи

После смерти бабушка решила за Катькой приглядывать. Во всяком случае, до тех пор, пока она не выйдет за хороше-го человека.

Когда на похоронах бабуля подмигнула Катьке из гроба, та даже не удивилась.

– Ба, ну хватит, – прошептала Катька, прикрывая ладонью рот. – В девяносто восемь лет можешь ты вести себя прилично?

Бабушка сделала вид, что ничего не слышит, и прекрасно себе лежала, выражая лицом безмятежность.

Бабушка умирала долго. Катька взяла на работе отпуск за свой счет, а в институте договорилась с деканом. И кругло-суточно сидела около постели больной.

– Ои-й, бестолковая, – тянула бабушка. – Чего ты высиживаешь тут? Найми сиделку, а то разберут всех женихов, куда ты мне ночами читаешь, а потом слезами давишься. Я еще, может, месяца полтора так проваляюсь...

И правда, ровно через полтора месяца, как знала, бабуля подманила Катьку узловатым пальцем:

– Не выть, – велела она. – Я сейчас помру, но это не точно. Потому как сердце не на месте у меня.

– Бабушка, – Катька заплакала.

– Ну! – бабушка шлепнула ладонью по одеялу. – Не порти вечер, погуляем еще на твоей свадьбе. Этой... Сазоновне позвони. Пусть придет. Я ей бусы янтарные обещала, она сорок лет ими любит, надо отдать.

Бабушка довольно пожевала губами, закрыла глаза и испустила последний вздох.

Поминки справляли дома, денег на кафе у Катьки не было, да и народу собралось немного. Расселись в зале, из молодежи одна Катька. Она все не могла понять, кого же они закопали, если бабушка благополучно бродила по дому все это время и только перед приходом гостей спряталась.

Сазоновна подняла стопку, янтарные бусы поймали огонек от лампы:

– Эх, Маруся, подруженица ты моя навечная... – сказала она и посмотрела на шкаф.

«Знает, – поняла Катька. – Тоже, поди, собирается... как там бабушка назвала... задержаться». Катька тряхнула челкой и поплотнее прижала дверцу коленом. В шкафу возмущенно завопили, бабушка всегда любила веселые застолья.

Через час дед Василий попросил гитару и спел. Бабушка захихикала, шепотом попросила в щелку блинчик и водочки.

– Ба, – улучив момент, Катька сунулась в шкаф, – а деду Василию, может, тоже чего отдать?

– Та ему уж не треба. Ему бы внука, гада, женить. Вот ты

не стала с ним знакомиться, а нам теперь в гробах переворачивайся...

Катька пригляделась к деду Василию. Тот, поймав ее взгляд, подмигнул и затянул песню про каких-то сватов. «Этот тоже», – догадалась Катька. Она таращилась на бабушкиных товарок, припоминая, кто из них кто. Кажется, у всех были внуки. Кажется, неженатые. Дед Василий ласково похлопал Катьку по плечу, понимающе кивнул. «Заговорщики, бес им в ребро». – Катька хотела разозлиться, но почему-то засмеялась. Из шкафа протянулась знакомая узловатая рука и погладила ее по голове.

– Рассказывай, баб! – потребовала Катька, когда все разошлись.

Дед Василий при этом пытался вынести гитару, но Сазоновна защемила ему ногу дверью: «Положь, пригодится – еще выстрелит к концу пьесы».

– Ба? – Катька обошла квартиру. – Давай выкладывай, что за секта у вас.

– Ничего и не секта, – обиделась бабушка, болтая ногами с комода. – Так... кружок взаимопомощи.

– Вы там... – Катька перебирала в голове сидевших за столом, – и правда все поумирили?

– Свят-свят, – бабушка отмахнулась, – зачем же все-то? Некоторые.

– А для чего ты в шкафу тогда сидела?

– Обвыкалась, – сказала бабушка и пропала с легким щелчком, словно закрыли пудреницу.

А дальше Катька жила одна. Тоже обвыкалась. Просыпаться под тишину, молча уходить на работу, возвращаться с вечерних лекций в пустую квартиру, создавать запах шарлотки в доме, засыпать без бубнящего телевизора. Сначала Катька подолгу вслушивалась, не щелкнет ли пудреница, но в конце концов уверилась, что бабушка – мертвая бабушка, ущипнувшая деда Василия за зад, – была галлюцинацией. «Точно, – решила Катька, печально заворачиваясь в бабушкин плед, – мне просто хотелось, чтобы она была всегда. И я ее выдумала... вот такой».

Едва Катька порадовалась, что не успела никому рассказать о постигших ее глюках, бабушка начала безобразничать. Телевизор каждый вечер включался сам собой, и когда повторяли «Рабыню Изауру», все остальные каналы заклинивало. Бабушка подолгу занимала ванную, и Катька отчетливо слышала звук шипящего душа и дребезжащий голос, исполняющий то Зыкину, то Кобзона.

– Ка-а-тък? – требовал голос. – Спинку потрешь?

Катька бежала на зов, хваталась за ручку... Да что там, можно было привыкнуть наконец. Ванная как ванная, пустая, и раковину почистить надо давно. Разве что шампунь открыт? Или сама забыла?

– Баб, ты не покажешься? – Катька задерживала дыхание, ждала щелчка.

«В свое время», – писала бабуля на зеркале и не показывалась.

Катька осторожно отступала, медленно прикрывала дверь, прикладывая к щели ухо... ничего. Но как только клацал язычок замка – вода снова шумела, трубы гудели, бабушка мылась:

– ...Душу – богу, сердце – даме, жизнь – государю, честь... – тут бабушка срывалась на грозный фальцет, – ни-ии-ко-му!

Про честь бабушка не шутила, это Катька уже потом поняла. Но сначала были пироги. «Ничего ты не хочешь перенять, – повторяла при жизни бабушка. – А вот помру? Кто тебя научит пироги печь?»

Пирогам, по мнению бабушки, следовало радовать мужа, отсутствие которого не давало покоя бабушкиной душе. Катька понимала, что умение печь в некотором роде пережиток – сейчас можно купить любую выпечку. Однако пироги, судя по всему, тоже были пунктиком, держащим бабушку в промежуточном астрале. И Катька решила не противиться. Тем более что устала мыть рассыпанную по полу кухни муку и смотреть на список ингредиентов, написанный маркером на холодильнике – бабуля недвусмысленно требовала действий.

С третьего раза тесто все-таки поднялось как надо, и бабушка его одобрила. Катька поняла это, когда к ее ногам подкатился кочан капусты для начинки, а из морозилки выплы-

ла курица, почему-то уже размороженная. Независимый эксперт Сазоновна пироги оценила и половину забрала с собой, якобы угощать деда Василия, в физической сущности которого Катька до сих пор не была уверена.

После пирогов бабуля некоторое время не куролесила, а потом Катька нашла свеклу в чайнике. Так мало-помалу она научилась готовить борщ с черносливом, фаршировать грецей карпа и даже гнать самогон – «на всякий случай».

Когда вместо весов Катька достала из-под кровати поваренную книгу, она поняла, что бабуля нацелена готовить счастье по рецепту. И Катьке придется освоить все пятьсот двадцать четыре, если только этот процесс срочно не прервется свадьбой.

Катька волновалась, что бабушке неспокойно. За себя, если честно, волновалась еще больше, но и мужа добыть на скорую руку тоже не могла.

С парнями у Катьки не складывалось, хоть была она бойкая и черноглазая. Те, кто нравился ей, не торопились ухаживать. А те, кому нравилась она, не тянули на роль женихов. Так что бабушкино «когда замуж выйдешь» Катьку, скорее, ранило. Замуж она, в общем, хотела, хотя и говорила всем, что нет. Естественно нет, вот так даже. Но по сторонам смотрела – на безрыбье. Бабушка тоже смотрела, и Катьке еще предстояло в этом убедиться.

Славик подкатил к Катьке на дне студента. Был он три-

жды победителем ежегодного городского забега и немного выпивши.

– А ты ничего, – банально объявил Славик и увязался за Катькой до остановки, ненарочно забыв на дискотеке девочку, с которой пришел.

Катьке об этом рассказали, и ей польстило. Славик каждый день ждал ее после пар, несколько раз дарил цветы и ненавязчиво прощупывал территорию. Он считался видным пацаном. Это внушало Катьке сомнения, но других отношений не предлагали, а разбредшиеся по парам подружки вынуждали решиться. Целовался Славик резковато, зато руками делал приятно. В общем, парень вполне. Не то чтобы замуж, а хоть сказать иногда: «Да я со своим экономику вчера загнула».

Когда до Катьки стало доходить, что их мнения по большинству ключевых вопросов не вполне совпадают, Славик уже успел несколько раз намекнуть на углубление отношений и как-то так все провернул, что даже оказался у нее дома. И даже без штанов. «Ладно, – подумала Катька, – когда-нибудь надо начинать. Этот хотя бы все сделает правильно». Вот тогда-то она и услышала знакомый щелчок пудреницы.

Нависший над Катькой Славик ничего подозрительного, конечно, не уловил. У него все было прекрасно, и даже Катькины трусы со слониками только добавляли пыла: ему казалось, что слоники тоже наконец собираются делать *это*. Сла-

вик любовно высвободил своего, и тут Катька начала ржать. Она взвизгивала и брыкала Славика ногами.

Там, за его спиной, в спортивных трусах с лампасами плясала бабулечка. Она смешно делала бровями, выбрасывала ноги в красных носках и размахивала розовыми помпонами. «Пипидастры для чирлидинга», – вспомнила Катька название и утерла слезы скомканными слониками.

Славик был фраппирован. Он зачехлился и отчалил в туман, обозвав Катьку идиоткой.

Не сказать что это сильно осложнило ее личную жизнь, наоборот. Теперь у Катьки был скорее никакой, но опыт. Внутренне она, кстати, с бабушкой согласилась: Славик был так себе партия.

– Только через мой труп! – предупредила бабушка и подвесила пипидастр над Катькиным изголовьем – в назидание.

Миша Катьке не понравился, но он был Очень Умным и даже аспирантом. Дыша Катьке в плечо, он быстро заговорил ее до такой степени, что они начали считаться парой, и в клуб интеллектуальных игр их приглашали вместе.

В тот вечер, когда Миша впервые задержался у Катьки и положил ей руку на грудь, пипидастр угрожающе закачался. И Миша ушел вдаль, так и не научив Катьку играть в любимую интеллектуальную игру.

В Сереже Катька разобраться не успела – он проводил ее

всего только раз. Едва она нажала на ручку двери, как поняла, что кто-то подпирает ее изнутри. – Не годится! – сказала бабушка в скважину.

И Катьке пришлось врать про сломанный замок, а потом, изрядно попрытавшись от Сережи за колоннами, все-таки мямлить что-то в оправдание своей сложной душевной организации. В общем, имидж у нее сложился так себе.

В ужасе Катька поняла, что таким макаром замуж не выйти никогда.

– Бабушка?! – возмутилась она в пространство. – Ты хотя бы понимаешь, насколько безвыходное положение мне устроила?

– Не для того ягодку растила. – В буфете раскололась чашка.

– Ах так?! – Катька сжала побелевшие губы. – Ну держись.

На вечеринку собрались даже те, кого Катька не приглашала. Друзья привели друзей, Катькина двушка наполнилась дымом сигарет и незнакомыми людьми. Они ходили по квартире, брали без спросу вещи, хлопали холодильником, мусорили... Катька злорадствовала.

Один чувак сидел на кухне и хлебал прямо из кастрюли Катькин борщ. На ловца и зверь бежит, подумала Катька и, улыбнувшись, присела рядом.

– Зацени. – Чувак протянул ей облизанную ложку. – Мяса что-то нет совсем.

– Это диетический, – поморщилась Катька. – Овощной.

– Я и говорю, такой себе. – Парень отломил от буханки. –

Но я с утра не жрал. Мою бы мать к плите, вот это бы...

– Мать бы твою? – Катька не выдержала. – Твою мать?! А ну-ка вон отсюда! Пошел с моей бабушкиной кухни!

Теперь Катьке было невыразимо жаль. Бабушку, в ее сомнительном воплощении, квартиру, изгаженную, пропитанную чужими запахами, оскорбленный борщ и неприкаянную себя. Катька устало поплелась в зал с твердым намерением выкинуть всех чужих на улицу, остаться старой девой и завести пять кошек.

В зале, в любимом бабушкином кресле, сидел парень. Про кресло Катька отметила со сложными чувствами. «Бабуля вот-вот психанет, и этому – в кресле – прилетит больше других. Так ему и надо, пришел-расселся». Но парень был симпатичный, смутно похожий на кого-то знакомого. И улыбался открыто, белозубо. Улыбался Катьке и махал рукой. – Пришел все-таки! – Катьку решительно оттолкнули в сторону, сунули пустой бокал. – А я уж думала, продинамишь.

Та, кому он действительно улыбался, не-Катька, бросилась к парню, запрыгнула на колени, обвила руками шею, что-то зашептала на ухо, рассыпав по его груди светлую гриву.

– А-а... – Катька хватала ртом воздух, глядя на висевшую над креслом гитару.

Гитара дрожала. Динькнула лопнувшая струна.

– Можно, я гитару...

Катька шагнула к креслу, раздался треск держателя, гитара сорвалась и... разломилась. Об две головы – светлую и каштановую. Кажется, светлой досталось больше.

– ...возьму, – ненужно договорила Катька и уронила бокал.

Пока ждали скорую, гости как-то быстро утекли. В спину им торжествовал бой посуды – чашки соскальзывали на пол, стопки взрывались стеклянными брызгами прямо на столе.

Отправив неизвестную девочку проверяться на сотрясение мозга, Катька присела на лавочку у крыльца:

– Не, как же достало...

– И не говори, – согласились рядом.

Парень не ушел. И с блондой почему-то не уехал. Стоял на ступеньках, смотрел на Катьку как на последнего собеседника на земле.

– Меня Ваня зовут.

– Ты извини, Ваня, я не должна была никого приглашать.

Ванины глаза округлились, он заметно растерялся.

– А эта? – Катьке не давало покоя. – Кудрявая? Чего не сел с ней?

– Я не знаю. В смысле, ее толком не знаю. Она из Тиндера. Я думал, может... а, не важно, все равно не сработало. Не надо было мне приходиться.

Ваня закусил губу, посмотрел осторожно вокруг. – Я больше не буду! – пообещал решительно, словно бы кому-то в

кустах.

Катька почесала затылок, посмотрела с сомнением. Может, и этого надо было на скорой?

– Пойдем, – Ваня протянул руку, но потом отпрянул и демонстративно спрятал обе в карманы, – помогу тебе прибраться. Надо как-то отвечать за свои поступки.

– Это да, – вздохнула Катька, надеясь, что дверь заклинит и жертвы на этом закончатся.

Квартира окутала их мертвой тишиной. «Презрительной, – сказала бы Катька. – Издевательской унижительной тишиной». Ваня собрал обломки гитары, не выразив удивления ни странным ее падением, ни силой удара. Точно так же, без лишних вопросов, смел с пола осколки посуды. Катька затравленно озиралась, ожидая знакомого щелчка. Но, видимо, бабуля отбушевала и несколько потеряла бдительность. Поэтому Катька решилась, метнулась к вешалке и подложила в карман его куртки записку.

Он перезвонил. Коротко сказал «да», и Катька заволновалась. Гуляли в парке, на другой стороне города – на всякий случай Катька выбрала место подальше от бабули. Ваня, как выяснилось, жил в Катькином районе, а значит, тоже добирался на свидание полтора часа. И ничего не спросил!

– Слушай, Ваня, – она воодушевилась, – я тебе нравлюсь хоть немного?

– А если много? – Ваня задумчиво потер щеку. Между

длинных пальцев проступал синяк от гитарного грифа.

Катька отодвинула пальцы и поцеловала синяк.

Никогда, ни разу за прошедший месяц Ваня не напрашивался к ней в гости и не приглашал к себе, хотя и жил один в доставшейся от деда квартире. Катька сходила с ума от любви и подозрений.

– Может, к тебе? – однажды не выдержала она, нарочно загулявшись недалеко от его дома и «замерзнув».

– Э-э... ну... можно попробовать, – осторожно согласился он.

В квартире у Вани было чисто. Правда, он метнулся в комнату и что-то поправил на кровати. Катька засмушалась. «Вот же напросилась внезапно, дурочка». Она подошла, обхватила его за плечи и хотела поцеловать, но он отстранился, посерьезнел.

– Кать. Давай сначала... – Брови просительно сдвинулись, в глазах – отчаяние. – ...помолимся.

У Катьки отвисла челюсть, и тут же раздался звонок в дверь. Ваня сглотнул, как пойманный с поличным вор, зачем-то сунул Катьке ее кофту и вышел в коридор. Катька заметила, что руки у него трясутся.

Да что это такое?! Она быстро осматривала комнату в поисках следов женского пребывания.

Скользнула взглядом по трюмо, перевернула одну подушку, вторую... Не может быть! Между матрасом и спинкой

выступало что-то розовое. Беззвучно застонав, Катька двумя пальцами подцепила торчащие махрышки и вытянула из щели... чирлидерский помпон.

– Ба... – Катька задохнулась. – Не смей, слышишь?! НЕ СМЕЙ!

Хлопнула входная дверь.

– Катюша? – Ваня показался в проеме. Катька едва успела вернуть подушку на место и разглаживала ее вспотевшими ладонями.

– Катюша, – Ваня глупо улыбался, как будто его держали на мушке и внезапно передумали убивать, – это соседка.

– Не бабушка? – Катька отупело моргнула.

– Почему не бабушка? – Он рассмеялся. – Как раз очень даже бабушка. Взяла надо мной шефство, пирожками подкармливает. Я таких вообще раньше не ел – тесто тоненькое, начинки мно-о-го... Пойдем, я чайник поставил.

Катька с любопытством отправилась на кухню, пожалев, что ни разу не испекла Ване пирогов. За последнее время, отвлекая бабушку, она чего только не освоила: и расстегаи с рыбой, и осетинские с мясом. Бабушка! Катька обернулась и погрозила подушке кулаком.

Ваня достал из микроволновки блюдо с пирожками: – Маленькие – с повидлом, большие – с капустой. Ты чего? Не любишь?

Катька уставилась на пироги. Сначала на те, что с капустой. Потом на маленькие – и она даже знала, с каким по-

видлом. На свои собственные пироги. Испеченные как раз утром по бабушкиному рецепту. Уложенные частично на эту самую тарелку с золотым ободком – для Сазоновны.

Катька машинально обвела глазами кухню, сама не понимая, чего хочет найти, и вдруг замерла. Теперь она знала, почему Ваня сразу показался ей знакомым, – действительно, одни черты. Он обернулся, тоже посмотрел на портрет в углу:

– Это дедушка. Он классный... – взгляд зацепился за траурную ленточку, – ...был.

В спальне зашлись старческим кашлем. Ваня грохотнул табуреткой, что есть силы закашлялся сам, вскочил:

– Я сейчас... это... магнитофон... подожди!

– Вань. – Катька успела схватить его за руку. – Не надо. Я знаю. Это дед Василий... не до конца умер. У них заговор.

Она привела оторопевшего Ваню в комнату, достала из-под подушки помпон:

– Вот! Давай начистоту. Это – моя бабушка. В смысле, не пипидастр, а...

Ванино лицо полыхнуло румянцем. Катька присмотрелась:

– О... – звук пошел с трудом. – О... на и у тебя... танцевала?! – Катька закрыла лицо ладонями. – Боже, ты поэтому молиться хотел?

Ваня сползал по стенке, задыхаясь от смеха:

– А носки-то... – выдавил он. – Носки помнишь?

– И все-таки обидно, – отсмеявшись, сказала Катька. – Ты лопал мои пироги и понятия не имел, чьи они. И шифрование наше дурацкое! Я думала, ты меня бросишь из-за этой всей паранойи.

– А я был уверен, что в твоей квартире из-за меня такой сыр-бор. Я тогда уже крепко осторожничал, организовал конспиративное свидание. После гитары думал, все, пропадай молодость.

– А Сазоновна, – вспомнила Катька, – она тоже... того?

– Не, Сазоновна с нами пока. Дед сказал, она обязана молчать под страхом, гм... смерти. Ну, то есть они пригрозили, что не примут ее потом в свой кружок, как их там, взаимопомощи. А у нее, понимаешь, тоже – младшая внучка без матери растет.

Катька вздохнула, она понимала.

Свадьбу сыграли скромную, только для друзей – мало ли кто там чего из шкафа попросит. Но платье Катьке купили красивое, и фотосессию в парке заказали. Фотограф, правда, удивился – не мог вспомнить, чтобы в компании была бабуля с помпонами и дедок с гитарой. Однако на паре фотографий они проявились.

Обживались молодые сами. Сами – в понятном только им двоим смысле. Сначала грустили без привычных явлений потустороннего мира, часто вспоминали стариков, потом втянулись, закрутила жизнь, пришло время покупать

детскую кроватку.

– Страшновато без помощи, – прошептала Катька, глядя на лучший в мире сопящий сверток. – Он такой маленький, а я ничего, ничегошеньки толком не знаю.

– Все же как-то справляются. – Ваня пытался говорить уверенно. – И мы справимся.

– А знаешь, – Катька грустно улыбнулась, – все-таки жаль, что наши деды угомонились. Я бы сейчас, знаешь, хоть бы разок увидеться...

За спиной щелкнула пудреница, и вслед за ней – портсигар.

Юля Фаро

Проверка

– Света, ты должна меня выслушать...

– Я никому ничего не должна!

Напряжение набухло от разногласий и сочилось уже нескрываемым раздражением.

Мать и дочь сидели друг против друга за столом просторной гостиной. Каждая была абсолютно уверена в своей правоте, исчерпав в изнурительном споре все заготовленные аргументы.

Характерной декорацией немой сцены являлось серое ноябрьское утро, силившееся разразиться ненастьем, а пока роняющее редкие тяжелые капли, которые стекали волнистыми дорожками по стеклу панорамной стены генеральского особняка.

– Доченька, давай прекратим этот разговор, – наконец выдала из себя Ольга Борисовна и, нервно покрутив на пальце кольцо, подняла глаза на Светлану. – Этот молодой человек – тебе не пара.

Поверь, мы с папой лучше знаем... Марк не войдет в нашу семью... Не думаю, что тебе следует затевать разговор о свадьбе с отцом. Пожалей папу!

– Понятно! Издержки личной жизни единственной гене-

ральской дочери, – саркастически ухмыльнулась Света и, задрав вверх остренький подбородок, поджала накрашенные губки. – Судьбоносные решения – через заседание генерального штаба! Только я, мамочка, Марка бросать не собираюсь! Если вы – против, то я... Я перееду к нему! Нам есть где жить! У него, между прочим, бабушка купила себе загородный коттедж, а любимому внуку городскую квартиру подарила! Так что не переживайте, не пропаду без вашей заботы.

С этими словами двадцатичетырехлетняя «отступница», сверкая наполненным праведным гневом взглядом, выбежала из гостиной.

– Доченька, мы не договорили...

– Некогда! У меня сегодня рейд! – огрызнулась Светлана. – И запомните раз и навсегда – все решения относительно своей жизни я буду принимать самостоятельно!

Ольга Борисовна вздрогнула от резкого звука хлопнувшей двери и проводила взглядом выезжающий за ворота Porsche Cayenne, подаренный Светочке год назад по случаю первого трудового дня в налоговой инспекции.

– Вот так вот... – вздохнула генеральша, обращаясь к вошедшей в комнату домработнице. – Мы с отцом всю жизнь для нее...

– Бог ответит, – успокоила та хозяйку, убирая со стола чашки с недопитым кофе.

Целый день, источая искры невидимого электричества как последствия утреннего разговора с родительницей, налоговый инспектор Светлана Ситина безрезультатно проверяла соблюдение закона о применении контрольно-кассовых аппаратов.

Она терпела фиаско одно за другим на каждом из проверяемых объектов.

Ни одного нарушения!

Продавцы будто сговорились оставить молодую инспекторшу без актов и начисления штрафов.

Отчаявшись от «безрезультативно» потраченного времени, она направилась к последнему включенному в список объекту.

Крохотный продуктовый магазинчик напоминал домик дядюшки Тыквы, прилепленный к громадной стене двухэтажного крытого рынка.

Втиснувшись внутрь, Светлана как всегда сделала вид, что разглядывает витрину. Она незаметно включила на айфоне видеосъемку и наблюдала за продавщицей, обслуживающей очередь из трех человек.

Худосочная девчонка с огромными светлыми глазами ловко управлялась за прилавком, подавая товар и пробивая чеки на кассовом аппарате.

Подвыпивший мужик, купивший полкило колбасы, откровенно заигрывал с торговкой: то приглашал ее на свидание, то норовил ухватить за руку...

Та отшучивалась в ответ на предложение помятого Казановы и обещала вернуться к разговору после того, как ухажер проспится.

«Брачные игры приматов... – неприязненно подумала Светлана. – Везет лупоглазой! Вряд ли она у родителей спрашивает, с кем ей встречаться. Вот почему базарные шалавы самостоятельно распоряжаются своей личной жизнью? А я обязательно должна получать одобрение...»

Продавщица будто почувствовала мысли посетительницы и недружелюбно уставилась в ее сторону. Смотрела не мигая, так, что тонкая голубая венка под глазом начала пульсировать.

– Брать что-нибудь будете? – с вызовом спросила торговка, не понимая, зачем барышня такой модельной внешности крутится у прилавка с дешевой снедью.

– Здорово, Славка! Как жизнь? – внезапно раздался звонкий мальчишеский голос, спасший проверяющую от вынужденного объяснения.

Замызганный парнишка в не по сезону легкой поношенной ветровке выворачивал карманы, извлекая их содержимое прямо на прилавок: жвачки, мятые бумажки, смотанные в клубок наушники...

– Во! Нашел... Думал, выронил. – Он протянул пятидеся-

тирублевую купюру. – Чипсы дай.

Продавщица протянула яркий шелестящий пакет пареньку и ласково потрепала его по спутанным волосам.

– Так бери, «покупатель»! Не надо денег.

– Спасибо, Славка!

Парень торопливо вернул содержимое карманов на место, схватил упаковку и выскочил за дверь.

Вот он – звездный час! Довольная Светлана демонстративно закончила съемку эпизода вопиющего нарушения норм закона!

– Слышь, ты зачем меня на телефон снимаешь? – продавщица перегнулась через прилавок и вцепилась в рукав норковой куртки незваного «оператора».

Налоговый инспектор поморщилась и свободной рукой поднесла раскрытое служебное удостоверение к лицу нахалки.

– Вы только что нарушили закон о применении контрольно-кассовых аппаратов, необходимо составить акт, – менторским тоном заявила предъявительница красных корочек.

– Светлана Владимировна Ситина, инспектор... – прочитала вслух продавщица. – Светлана Владимировна, Свет, слышь, не пиши... А?..

– Прекратите мне тыкать, я при исполнении... – Светлана высвободилась из цепких пальцев нарушительницы и брезгливо разгладила мех пострадавшего рукава новенькой шубки-«автоледи» с жемчужным отливом.

После чего нарочно медленно, по складам, прочитала имя на бейджике поникшей нарушительницы: «Ярослава».

– Ознакомьтесь с поручением на проверку и предоставьте документы. И еще... Входная дверь на время составления акта должна быть закрыта.

– Сейчас документы принесу, а дверь можешь сама закрыть – все равно через пятнадцать минут конец рабочего дня, – буркнула Ярослава, исчезая в подсобке.

Светлана Владимировна неохотно взялась двумя пальчиками за шарик металлической задвижки и закрыла засов. Вытащив из сумки пачку влажных салфеток, она брезгливо протерла руки и часть прилавка. Удовлетворенная «дезинфекцией», разложила документы и приступила к составлению акта.

Закончив с формальностями, протянула Ярославе исписанные листы.

– Ознакомьтесь, распишитесь...

Продавщица читала медленно.

– Я не поняла про штраф... За что штраф? – наконец спросила она.

– За нарушение кассовой дисциплины. Реализация товара без оформления чека. Штраф будет составлять тридцать тысяч рублей.

– Сколько?! Ты че, ополоумела?! Пиши сразу миллион! Какой чек?! Это же Егорка-беспризорник! Он на рынке ошивается! Его все жалеют, больной он... Да я сейчас эти пять-

десять рублей пробыю!

– Поздно! Факт есть факт! Подписывать будете?

– Ничего подписывать не буду!

– Так и напишите, что от подписи отказались.

У Славки на глазах выступили злые слезы.

– Ну откуда ты такая цаца бездушная на мою голову? Да у нас все в порядке, видишь же, по документам! Пожалуйста, не пиши про эти чипсы проклятые... Меня хозяин с работы выпрет... Будь человеком!

– Увольте от подробностей! Из-за таких как вы – бюджет страны страдает! Из-за таких как вы – у пенсионеров пенсии маленькие! Расплодилось жулья! Вор на воре!

– Кто – вор? Я – вор? – Казалось, глаза продавщицы вылезут из орбит. – Да что ты про меня знаешь, краля разодетая? Твой телефон – три моих месячных зарплаты... Эх! – в сердцах выдохнула Ярослава. – Что с тобой говорить! Подайсь своим актом!

Разъяренная торговка – со съехавшим набок форменным колпаком – схватила бумаги и размашисто расписалась на последней странице.

– Теперь бюджет не пострадает! С завтрашнего дня – профицит!

– Ух ты, какие слова знаешь! – съехидничала Светлана.

– А ты что, думаешь, одна умная?! А все дураки? Светлана Владимировна уже не слушала, в конце концов, это было ниже ее достоинства – пререкаться с хабалкой. Она засунула

документ в сумку и, не попрощавшись, выпорхнула из тесного помещения. Выйдя на улицу, заспешила в сторону автостоянки. Было семь часов вечера, но темно, словно ночью. Фонари тускло освещали опустевшую рыночную площадь.

«Интересно, Марк обрадуется моему решению переехать к нему? Конечно, квартирка на Второй Планерной улице – это не генеральские хоромы, но пожить какое-то время – пока родители не одумаются – можно...» – размышляла Светлана, семена на высоких каблуках в обход огромной лужи с плавающими на поверхности обрывками бумаг и сигаретными бычками.

Она не успела испугаться, когда сзади ее ударили по голове, вырвали из рук сумку и с силой толкнули в спину. Светлана только ойкнула и, потеряв равновесие, упала в отвратительную жижу.

Пытаясь подняться, она встала на четвереньки, уперлась руками в грязное дно и почувствовала, как в ладонь вонзилось что-то острое. С криком вытащив руку из лужи, она увидела, что из раны, источающей кровь, текущую вперемешку с грязной водой, торчит бутылочный осколок. Светлана взвыла в голос.

– Тихо, тихо, не ори, – откуда ни возьмись появившаяся Славка шагнула в лужу.

– Ерунда, сейчас вытащу, неглубоко зашло... Разожми руку-то и отвернись! – приказала продавщица.

– Ё-моё... – пропищала Света. – Вытащила?

– Вытащила, – подтвердила Славка, отшвырнув стекляшку и перевязывая рану носовым платком. – Вставай!

– У меня сумку украли... В сумке деньги, паспорт, ключи от машины... Телефон... – причитала Светлана Владимировна, ковыляя на сломанном каблуке, уцепившись за спутницу. – Надо папе звонить...

– Подожди ты, сейчас зайдем ко мне – я через дорогу живу. Помоешься, руку обработаем.

В тесной прихожей – с выкрашенными в бирюзовый цвет стенами – Светлана Владимировна, опершись на пузатый холодильник, стянула с себя мокрые сапоги, скинула на пол грязную шубку и, подталкиваемая спасительницей, прошлепала в ванную комнату.

Славка зашла следом, занесла чистое полотенце и байковый в цветочек халат.

– Это бабусин – надень, как помоешься. Я тебе пока джинсы и кроссовки подыщу – твои мокрые насквозь, а на сапогах каблуку кердык.

Минут через двадцать – в халате, дважды обернутом вокруг тела, и в чалме, накрученной из старенького розового полотенца, – Светлана вышла из ванной.

Заглянула в комнату: две простенькие кровати, стол и телевизор на тумбочке.

«Бедненько – чистенько!» – непроизвольно констатировала инспекторша.

– С легким паром! – Дверь кухни отворилась, и на пороге

появилась сгорбленная старушка. – Айда чай пить! Я сегодня пирожков капустных испекла. Больше-то ничего нет, – оправдывалась она. – Но пирожки – вкусные...

– Извините, а где Ярослава?

– К Гургену побежала, соседу нашему, он всю рыночную шпану знает, может сумка твоя отыщется... Светлана села к столу и с удовольствием выпила огромную кружку крепкого горячего чая вприкуску с румяным пирожком.

– Вкусно? – спросила старушка и, улыбнувшись, погладила Свету по плечу. – Эх, девка, это горе – не беда, в жизни и похуже бывает. Когда чужие обижают – это одно, а вот когда свои, родные – сердце от обиды порваться может...

– С Ярославой конфликтуете? – просто так, лишь бы что-нибудь сказать, произнесла Света.

– Да что ты! – с улыбкой перекрестилась бабка. – Со Славочкой дружно живем, она – ангел мой. Таких как она сейчас днем с огнем не сыскать...

– Любите вы внучку. А у меня нет ни дедушек, ни бабушек. Я у родителей поздний ребенок.

– Балуют, наверное? Единственную красавицу... – снова улыбнулась старушка. – Я вот своего внучка единственного тоже любила-баловала, да так залюбила, что не заметила, как на улице оказалась.

– Как это, на улице? – непонимающе спросила гостья.

– Да просто, – спокойно ответила бабуля. – Дочка моя вторым браком за немца замуж вышла, все продала и в Герма-

нию укатила. Остались мы с внучком вдвоем в моей квартирке жить. Я работала, пока здоровье позволяло, внука поднимала. Он даже в институте выучился. Думала, на работу устроится, легче жить нам станет. Да куда там! Парень он видный, девки на него вешаться стали... А потом и дамочки постарше стали его то деньгами, то подарками завлекать. Не терпела я, все ему высказывала, вот, видать, и надоела. Одна дамочка у него особо ушлая была – умудрилась меня из квартиры выписать. Паспорт мой выкрали, меня – в машину и... За двести километров в заброшенный дом в пустующей деревне отвезли. Как я назад до города добралась – рассказывать сил нет. С бесстыжим внуком поговорить пыталась, да все напрасно. Говорит, что ему квартира нужнее – у него жизнь впереди, а мне, старухе, пора сдохнуть и оставить его в покое. Вот так вот! – горестно подытожила бабуля.

– А Ярослава? Кем она вам приходится? – потрясенная рассказом, испытывая жалость к старой женщине, спросила Светлана.

– Так, никем. Она меня на рынке подобрала. Смотрела-смотрела, как я побираюсь и под прилавком сплю, пожалела да и забрала к себе жить. Живем хорошо: я по дому управляюсь, Славочка работает и учится. Всё у нас хорошо. Давай еще чайку подолью...

– Как забрала? Просто нищенку забрала к себе домой? – ошарашенная слушательница застыла с протянутой чашкой.

– Так не все люди – плохие, и душевные бывают. До моих

лет доживешь – много про людей узнаешь...

Хлопнула входная дверь, из прихожей раздался бодрый Славкин голос.

– Танцуй, Светлана Владимировна, сумка твоя нашлась. Денег и телефона – как понимаешь – нет... Извиняйте! Зато все остальное на месте.

Переодетая в короткие джинсы и слегка жмущие кроссовки, Света уже в коридоре шепотом попросила у Славки адрес бабусиного внука.

– Зачем? – удивилась та. – Он отпетый подонок, я сама с ним недавно разговаривала, хотя бы паспорт просила вернуть – бесполезно! Говорит, что его будущий тесть – большая шишка, в полиции связи имеет, и если надоедать не перестану – он меня со свету сживет. Ничего у тебя не получится!

– У меня получится! Мой папа – генерал, он поможет!

– Ну попробуй, сейчас напишу, только ручку найду.

– Подожди, – Светлана достала из сумки ручку и, вытащив из папки злосчастный акт проверки, оторвала половину листа. – Пиши.

Она протянула ошарашенной Славке обрывок бумаги, а остальные листы скомкала и положила на холодильник.

– Вот, написала: Вторая Планерная, дом семнадцать, квартира шесть, Марк Смирнов. Здорово будет, если он хотя бы паспорт вернет – больше нам с бабусей ничего от него не надо. Эй, слышь, подруга... Плохо тебе?

– Марк Смирнов... Вторая Планерная... – пробормотала побледневшая Светлана.

Она виновато посмотрела на Славку и, закрыв лицо руками, вдруг разрыдалась.

– Ты чего? – испугалась Славка, обняла Светлану и стала гладить ее по волосам. – Если сложности, то... не надо... Забудь! Ты ведь никому ничего не должна. У нас с бабусей все прекрасно! К нам гости приходят... И ты приходи обязательно! Ты на самом деле классная, таких нечасто встретишь... Ради меня раньше никто ничего не делал, а ты целый акт не пожалела...

Светлана Волкова

Гриб эlegantного возраста

Самым любимым выражением бабы Симы было: «Не доводите меня до белого каления!»

И Сережа сразу представлял колени бабушки – белые, круглые, как свиные голяшки, с розовой меткой под самыми чашечками от тугих резинок капроновых гольфов. Вот и сегодня утро выдалось хлопотное, и «белые колени» поминались чуть ли не поминутно. Все собирались за грибами...

– Ой, Валька! А ну как потеряется он? Шебутной же! – Так мы его от себя никуда не отпустим! – убеждала бабу Симу тетя Валя, укладывая на дно плетеной корзинки бутерброды с сыром и похожие на жабенышей свежие огурцы – зеленые с белым пузиком, пупырчатые.

Бабушка лишь качала головой.

– Да и лес знаком ему с детства, – продолжала тетя Валя. – Поди, каждое лето в Борисову Гриву ездим.

– Да в прошлом-то году грибов не было! Вот и сидели дома. Получается, в позапрошлом ходили. А ему тогда шесть всего было. Забыл уже все, небось!

– И ничегошеньки я не забыл! – буркнул Сережа. – И тропинку помню, и полянку, где два дуба растут, и ельник, и пень трухлявый!

– Да сгнил уже давно твой пень! – загоготал Мишка, сын тети Вали и Сережин двоюродный брат.

Баба Сима долго паковала внука в старую залатанную одежду, сохраненную в доме как раз на случай леса. Сережа смотрел на руки, торчащие из его когда-то любимой клетчатой рубахи, на протертые на коленках «салютовские» джинсы, из которых он вырос еще в прошлом году, и старательно отводил глаза, чтобы не натолкнуться на ехидный Мишкин взгляд.

«Мишке-то хорошо, – подумал Сережа, – уже десять стукнуло, и бабушка его мучить почти перестала». – Ба-а, ну шарф-то зачем?

– Сентябрь на носу, заморозки уже были.

– А штаны в носки заправлять?

Мишка нарочито прикрыл ладонью рот, будто ему так смешно, что уж не сдержаться! Сережина дворняжка Жулька – маленькая, пегая, кудрявая, как парик Мальвины из любимого фильма, нетерпеливо тявкала у двери, призывая поторопиться.

– Все надо заправлять. Рубашку в брюки, брюки в носки. От клеща поганого. И шею замотать, – командным голосом отдавала приказы баба Сима. – А лучше платочек на голову надеть, чтобы ушки... – Платочек?! – почти со слезами перебил Сережа. – От такой страхолюдины все грибы в лесу попрячутся! – засмеялся Мишка.

– Платочек, и правда, перебор, – вмешалась пожалевшая

племянника тетя Валя. – Я ему кепку дам мужнину. Села, негодная, после стирки, Сереже аккурат в самый раз будет. И красивая – с олимпийским мишкой.

– Ах, не доводите меня до белого каления!

Баба Сима еще поворчала немного, потом повесила внуку на плечо клетчатый термос на ремне и наказала к шести вечера «кровь из носу» всем вернуться. А то грибы чистить придется «в ночи».

На улице их ждал старенький семиместный фургончик, желтый с большими серебряными буквами V и W на плоском белом лбу и тремя рядами бордовых кресел в салоне. Дядя Толя ласково звал его Бегемотик и любил полежать под ним все выходные напролет. Он и сегодня бы залег, но тетя Валя «организовала грибы», и все семейство, включая Мишку и деда Шаню, встав спозаранку, влезло в пахнущее смазкой и вечным ремонтом дерматиновое Бегемотиково нутро. Баба Сима ехать отказалась, сославшись на давление, но после уговоров Мишкиного семейства разрешила-таки взять Сережу.

Пока тетя Валя собирала корзинки и сумки, а дядя Толя, вздыхая, в последний раз заглядывал Бегемотику куда-то под брюшко, Сережа загадал, что назло Мишке он сегодня найдет самый большой гриб. И не солонуху какую-нибудь, а белый! Непременно белый – с бархатной коричневой шляпкой и толстой, как бочонок, ножкой. И нисколечко не червивый

– пусть все обзавидуются!

Обойдя автомобиль, Сережа обнаружил на нем одну новую шину. Она была черной, как мокрая земля, с маленькими резиновыми волосками возле обода, будто бы не побрилась. Дед Шаня, до этого дремавший на переднем сиденье, приоткрыл дверцу и с гордостью произнес:

– Красота-то какая! Правда, Сергунь? С трудом достал – выменял в Апрашке на Валькин югославский фен с колпаком. Ну и добавить чуток пришлось, – дед тяжело вздохнул, – то, что с пенсии откладывал. Зятьку подарок на юбилей.

Сережа присел на корточки возле колеса, вдохнул восхитительный запах новой резины, не съеденный еще дорогой, и вспомнил аромат черных поручней открытой год назад станции метро «Приморская». Не забыть ему тот день, когда они с мамой, замороженные, долго стояли на пахнущей лаком и краской платформе, любуясь тяжелыми медальонами с барельефами кораблей, якорями с цепями возле желтой торцовой стены и блестящим, словно натертым мастикой, полом. Но самыми удивительными для Сережи были все-таки поручни, бежавшие вверх чуть быстрее, чем лесенка эскалатора, – так, что приходилось сдвигать руку, скользя по их черной гладкой змеиной спине! И на ладошках долго потом оставался пьянящий химический запах новенькой резины! – А где твои предки? – прервал Сережины мысли Мишка.

– На экскурсию поехали по Золотому кольцу.

«А могли бы меня взять с собой», – с досадой подумал Се-

режа, вспоминая мамины торопливые сборы и папино пред-
дорожное ворчание.

– А чего баба Сима по грибы не едет?

– Давление у нее. Говорит, будто с каруселей только что сошла. Голова так же кружится.

Мишка хмыкнул и залез в автомобиль.

– С давлением никак нельзя! Ни за что! – встрепенулся дед. – Дома пусть сидит. Без нее грибов полную машину привезем!

Дед Шаня, по словам родственников, всегда бранился с бабой Симой, всю прожитую с ней совместную жизнь. Характеры у обоих были несносные. А как отгуляли золотую свадьбу, он вообще решил жить отдельно, в семье дочери Вали. То есть в Мишкиной семье. А баба Сима осталась с сыном, невесткой и вторым ее внуком Сережей.

Мишка любил при случае подначить Сережу, что тот вырастет нюней из-за бабкиного воспитания. Другое дело дед Шаня, вот с кем интересней – и затейник, и песни поет, и всех гостей в шахматы обыгрывает! С ним и в лес не страшно – он бывший партизан, любую тропу знает и уж от всякого там лесного «хулиганья» точно спасет.

– Слышь, Серый! А Лесовика не боишься? – ехидно спросил Мишка, усиленно крутя ручку и опуская стекло.

– Ничутьочки! – с вызовом ответил Сережа.

Лесовик – фигура значимая. У него борода в колтунах и

репейных шариках, нос картошкой и мохнатые седые брови под нависающим козырьком фуражки, отчего он немного похож на трамвайного контролера. А откуда это Сережа знал – и сам не помнил. Просто знал и все. И ходить в лес без взрослых не рискнул бы, потому что Лесовик сидит, спрятавшись за корягой, да только и думает, чтобы подловить зазевавшихся детей. Даже если дети – внучата Ильича и во всякую чушь не верят.

* * *

Дядя Толя хлопнул крышкой капота и позвал всех садиться в машину.

– Сережа, безрукавку-то! Безрукавку забыл надеть! – поплыл по двору зычный бабы-Симин голос. – Тепло ж, бабуль! – заныл Сережа. – Куртка теплая!

«И почему Мишку она не мучает? Он ведь тоже ее внук!»

Баба Сима выглядывала из окна, возвышаясь над обшарпанным карнизом грозным нетающим айсбергом.

– Не доводи меня до белого...

– Ну, ба-а! Я и так вспотел!

– Вспотел! Валька! Валька! – заорала баба Сима, заставив тетю Валю выскочить из машины. – Он вспотел! Мокрый! Простудится, как пить дать!

– Ну что ты, мама, – уныло ответила тетя Валя. – Все в порядке.

– Мокрый он, мокрый! – подхватил Мишка. – Описался он, Лесовика боится!

Веснушки на Мишкином лице расплзлись вместе с улыбкой до самых ушей.

– И ничего я не боюсь! – крикнул Сережа и пожалел, что младше и слабее и вот так запросто не может дать Мишке по носу.

– Нет, вы мне его угробите! – гроыхала баба Сима, высовываясь из окна чуть ли не по пояс.

– Да не угробим, мама! – отвечала тетя Валя, вздыхая.

– Ты как-то это не очень убедительно говоришь, – не сдавалась бабушка.

Дед Шаня напрягся и с подозрением выглянул из автомобильного окошка:

– Серафима! Даже не думай!

Но бабу Симу было не остановить. Наказав всем не двигаться с места, она минут через пять появилась во дворе, полностью экипированная для экспедиции в дремучую тайгу. На ней был немислимый брезентовый комбинезон с кенгурушным карманом на животе, огромная белая панама поверх кумачовой косынки, на ногах – рыбацкие сапоги-ботфорты. В руках бабушка держала вышедшее из моды синее кримпленовое пальто, дремавшее до поры до времени в стареньком чемодане на антресолях, и новое сияющее цинковое ведро.

– Ну все. Не отпускать же вас одних! Чего стоишь, Толик,

поехали уже.

Дядя Толя послушно повернул ключ, и в брюхе у Бегемотика заурчало.

Дед Шаня недовольно зыркнул на бабушку.

– Симка, у тебя ж давление!

– Было да сплыло.

– Ба-а, ты говорила, что голова кружится, будто на качелях качаешься! – попытался поддержать деда Сережа.

– Всё, – прогремела баба Сима. – Слезла с качелек-каруселек. Трогай, Толька, кому говорю!

Бегемотик кашлянул, выплюнув сизоватое облачко из дрожащей, как цуцик, выхлопной трубы, и, кряхтя, двинулся в путь.

Ехали споро. Все светофоры, будто сговорившись, давали зеленый сигнал. Дед Шаня через сиденье переругивался с бабой Симой. Ни тетя Валя, ни дядя Толя не вмешивались – это был неистребимый семейный ритуал. Мишка уткнулся в «Веселые картинки» и не обращал внимания на то, что происходит вокруг.

Сережа сидел на заднем сиденье, придерживая рукой на коленях Жульку, и убеждал себя в том, что если встретит Лесовика, то ни за что не испугается. Ну, подумаешь, дядька на пне сидит. И пусть себе сидит! Даже смешно! Сережа ему язык покажет и убежит. От этих мыслей сделалось так хоро-

шо, что он засмеялся и выглянул в окно. Мелькали пестрые дома, пыльные машины, плакаты с лозунгами только что отгремевшей олимпиады, прохожие, одетые совсем по-осеннему. Уже на выезде из города дядя Толя свернул в маленькую улочку.

– Куда это мы? – встрепенулась баба Сима.

– Заберем двух грибников, – ответила тетя Валя. – Это мама и дочурка моей подруги с работы.

Баба Сима открыла было рот от возмущения, но дед Шаня ее опередил:

– Вот еще! Вечно ты, Валька, что удумаешь! Наши грибные места им показывать! А сама потом удивляешься – кто это, мол, только что до нас тут прошел, одни грибные пеньки торчат!

Баба Сима мгновенно передумала протестовать и назло деду принялась защищать попутчиков:

– А что тебе, Сашка, жалко? Вона, два места в машине есть. И неча тут жмотничать! Поди ж, грибов ему не достанется!

Дед Шаня взвился, всем корпусом повернулся с переднего сиденья к бабушке и начал подробно пересказывать их последний неудачный поход за грибами, поминая все супружнины причуды, подробно комментировал ее коронные реплики и театрально сокрушался по поводу несносного бабушкиного характера. Баба Сима в долгу не осталась, и салон Бегемотика превратился в настоящее поле брани. Но тут

Мишка помахал «Веселыми картинками» перед лицами деду с бабушкой, словно рефери на ринге, и деловито произнес:

– Брейк! Было б из-за чего ругаться! Да пассажиры эти до Борисовой Гривы своим ходом вряд ли доберутся, тем более до «нашего места». Мы ж далеко от станции ходим, народу там никого. Где ж им самим-то потом твой осинник, дед, отыскать?

Бабушка поняла Мишкины слова как безоговорочное принятие ее стороны в споре и с умилением потрепала внука по голове.

Дядя Толя затормозил, и Бегемотик с ревом остановился возле газетного киоска, гостеприимно распахнув дверь.

– Здравствуйте!

В салоне появилась нежно-розовая шляпка с приколотой веточкой тряпичной сирени, а за ней и сама шляпкина хозяйка – пожилая дама в светлом болоньевом плаще и розовых, в тон к шляпке, резиновых сапогах. Таких сапог Сережа отродясь не видал, все в округе ходили в зеленых и синих, с черной полоской у края и эмблемой «Красного треугольника». За дамой в салон заглянула большеглазая девочка в чем-то воздушно-желтом, похожая на майский одуванчик. Обе они, бабушка и внучка, казались случайно вытащенными из какого-то нездешнего города – оттуда, где нет дождя и слякоти и можно вот так запросто ездить в лес в чистых розовых сапогах.

– Милости просим, прекрасные дамы! – засиял дед Ша-

ня. – Попутчикам всегда рады!

Баба Сима зыркнула на него и, с недоверием оглядев новых спутников, велела Сереже сдвинуть корзинки, чтобы было где всем разместиться.

Дама одарила всех милейшей улыбкой и, кокетливо придерживая край плаща, пробралась к заднему сиденью. Ее желтая внучка долго гнездилась рядом с Сережей, придвигаясь то к нему, то к бабушке, и наконец утомилась и повернула голову к окну. Жулка ликующе гавкнула и лизнула кончик ее дождевика. Сереже и самому хотелось лизнуть – уж больно леденцово-конфетной была блестящая одежда девочки, казалось, она даже на вкус, как лимонная тягучая подушечка.

Дверь закрылась, и Бегемотик стартовал с молодецким ревом.

– Давайте все познакомимся! – сказала тетя Валя. – Это Матильда Юрьевна и Анечка.

Гости синхронно кивнули головами.

– А это моя семья: мама Серафима Никитична, отец Александр Иванович, муж Анатолий, сын Миша и племянник Сережа.

Все прозвучало чинно и, как любила говорить баба Сима, «будто в приличном доме».

– Очень, очень приятно, – сиял дед Шаня. – Меня можно без отчества, просто Александр. А хотите – Сашей или Шурой зовите. Можно Шаней, как домашние.

– Шаня! Какая прелесть! Правда, Анюта? – звонко отозвалась Матильда Юрьевна. – Тогда и меня без отчества. Просто Мулей. Нечего нас в старики записывать!

– Мулечка! – повернулся к ней дед. – Мулечка! Вы украли наше авто!

Баба Сима чуть заметно фыркнула и села так, чтобы заслонить спиной гостью от деда Шани:

– А вот меня, будь-любезны, по имени и по отчеству.

Дед недобро зыркнул на нее и вытянул шею, чтобы видеть на заднем сиденье гостью.

У Мулечки было аккуратное, почти детское личико, острый подбородок, трогательный вздернутый носик и восторженное выражение нарисованных дугой черных бровей. Слово «бабулечка», с которым обращалась к ней внучка, никак не вписывалось в ее образ и не хотело укладываться в Сережиной голове. Оказывается, бабушки бывают и такие – элегантные, в шляпке и розовых сапогах.

Дед Шаня поминутно поворачивался, выглядывал из-за бабы Симы и пытался вести с Мулечкой светскую беседу. Гостья отвечала охотно, с колокольчиком в голосе, пока дед не оседлал любимейшую тему: грибы. Тут вставить слово уже не мог никто, и Мулечка постепенно скисла, хотя из вежливости и кивала чуть ли не на каждое слово, но Сережа заметил, как безучастно стало выражение ее лица и как она, сложив накрашенные губки в тонкую ниточку, пытается незаметно зевнуть.

– ...А вот ложные опята, сволота такая, маскируются, как фашист под Брянском, – разглагольствовал, размахивая руками, дед Шаня, уже не особо следя за выраженьями. Баба Сима, заметив в зеркале заднего вида, как поскучнело лицо спутницы, с ухмылкой отодвинулась к окну, предоставив той полный доступ к ораторствующему деду и зная наперед, что муку эту терпеть под силу было не каждой фифе в розовой шляпке.

Сережа начал втихаря рассматривать глазастую девочку. Она была какая-то волшебная в своем желтом плащике, с очаровательными пружинками темнорыжих волос, торчащих из-под берета, и россыпью медных веснушек на загорелых щеках. Анечка казалась серьезной – во всяком случае, серьезней, чем ее бабушка, – и Сережа поймал себя на мысли, что надо с ней, наверное, для приличия поговорить, а вот о чем, он понятия не имеет.

– А ты в каком классе? – начал он.

Девочка оторвалась от созерцания мелькавших за окном деревьев и посмотрела на Сережу глазами лемура.

– Во второй перешла.

– Я тоже! – радостно выкрикнул он.

Анечка зачем-то удивленно пожала плечами и сняла берет. В ее кудряшках оказалось, наверное, штук десять маленьких белых пластмассовых заколок, будто это не голова, а клумба с маргаритками. Сережа с горечью ощущал рядом

с ней всю комичность собственного «грибного» гардероба: и старую рубашку, из которой, точно палки, торчали выросшие руки, и штаны, заправленные в носки, и злился на бабу Симу, заставившую его все это надеть.

Анечка придвинулась ближе, и внутри у Сережи разлилось что-то горячее, будто пролили кипяченое молоко.

– Смотри, у меня переводная картинка на руке! – она показала размытую сине-малиновую бабочку на тыльной стороне ладони.

– Здорово! – пролепетал он.

Мишка повернулся к ним и хмыкнул почти синхронно с бабушкой – правда, у нее это относилось исключительно к дедовой болтовне.

– А откуда у вас с бабушкой такие красивые сапоги? – спросил Сережа, не зная, как продолжить разговор.

– Как откуда? Из магазина! – надменно произнесла Анечка.

Сережа хотел было сказать что-то галантное, но такое откровенное вранье его возмутило.

– Что ты врешь! Не продается такое в магазинах!

– И вовсе я не вру! – надула губки Анечка. – Мы на каникулах в ГДР жили. Там какие хочешь резиновые сапоги, всех цветов!

– А жвачка у тебя есть? – обернулся к ней Мишка. – Миша, как тебе не стыдно! – шикнула на сына тетя Валя.

– Нет у меня жвачки. Бабуля говорит, что некрасиво же-

вать, как коровы.

Мулечка, услышав «бабуля», с радостью отвлеклась от дедовой грибной лекции и, достав из корзинки яблоки, принялась всех угощать.

– Но мы все равно жвачку покупаем, – продолжала Анечка. – Из-за вкладышей. Я с Микки-Маусом меняю, у меня их много. У тебя есть Лелек и Болек? Только на голубом фоне?

«А она воображуля», – с досадой подумал Сережа.

Дед Шаня тем временем, повысив голос тона на два, чтобы всем его было слышно, рассказывал про то, как надо срезать гриб, чтобы не повредить грибницу. – Чего молчишь? – дернула Анечка за рукав.

Сереже совсем не хотелось говорить о вкаладышах, которых у него и было-то полторы штуки – целая с «Ну, погоди» и половинка с Чебурашкой – точнее, одно левое Чебурашкино ухо и надпись, и то не вся, – и он решил сменить тему беседы.

– У твоей бабушки зыкинская шляпка.

Мулечка снова была рада отвлечься от моховиков и маслят.

– Да, молодой человек! Это моя любимая! – Она почесала наманикюренным ногтем тряпичную сирень на тулье. – Я называю ее «шляпка-волнушка». – Но у волнушки края загнуты вниз! – сказал Сережа.

Мулечка засмеялась, забавно положив язычок между зубами, как Мишкина морская свинка Зулька. – «Волнушка»,

мой хороший, не потому что гриб, а потому что мужчины волнуются, когда я ее надеваю! Баба Сима повернулась, ехидно скосив на гостью глаза, и скучающим голосом протянула:

– А, действительно, Сергунь, на волнушку похожа, такая же розовая. Молодец, выучил-таки грибы, весь в деда.

Мулечка перестала улыбаться и надвинула «волнушку» чуть набок, отгораживаясь от недоброго глаза бабы Симы.

– Девочки, не пререкайтесь! – прогремел дед Шаня. – А вы, Мулечка, мне какую-то актрису напоминаете, из кино.

– Ну, вряд ли вы этот фильм смотрели, – оживилась гостья. – Я там в эпизоде... Но со словами. И давно это было. Совместная с болгарами лента.

– Так я прав? Вы – актриса?

– Тридцать лет в рижской оперетте, – Мулечка снова поправила шляпку.

Дед Шаня нарочито ойкнул и захлопал в ладоши. – И спеть нам можете? А то у нас в авто музыкашки-то нет.

– Ну, спеть... – изобразила смущение Мулечка. – Я вообще-то не распевалась сегодня...

– Ты про валуй, про валуй-то еще не рассказывал, – ехидно вставила баба Сима.

И дед Шаня снова завел свою шарманку, будто кто-то одним щелчком переключил тумблер у него в голове:

– Значицца... Валуй кольчатый. Ножка у него полая внутри, а шляпка слизкая такая. И пластинки, пластинки под

шлямпомпэ... Запах бывает не ах. Но ежели отмочить него-
дя часа три...

Мулечка тяжело вздохнула и снова погрузилась.

– А ты грибы собирать умеешь? – спросил Сережа Анечку.

– Только благородные. Белые и красные. Мы солонухи не берем. И подберезовики редко.

– Как же солонухи не брать? – удивился Сережа. – Мы вон ведра взяли для них. Знаешь, какие они вкусные, когда засолить! Грузди особенно.

– Ты прям как твой дедушка, – хмыкнула Анечка и в солидарность с Мулечкой отвернулась к окну, натянув на личико унылую гримаску.

Когда дед Шаня перечислил почти все грибы, какие знал, и перешел на партизанские воспоминания, Бегемотик наконец вырулил с шоссе на кривоватую проселочную дорогу, потрясая на ней еще минут пятнадцать и остановился, съехав на траву и уткнувшись лобными буквами VW в куст дикой малины. – Ну все! Станция «Вылезайка»! – радостно заявил дядя Толя.

Баба Сима, растирая поясницу, вышла из машины и взяла руководство грибным походом в свои руки. Живо были распределены корзины и ведра, всем без исключения «через-нехочу» нахлобучены кепки и панамы и прочитана заготовленная агитка о недремлющем «нежрамшем» большеротом клеще. Из кармана синего пальто бабушка вытащила пузырек

с одеколоном «Гвоздика» и обрызгала пахучим парфюмом с головы до пят всех, даже Жульку. Это, как она говорила, вместо дуста, верное средство от насекомых, потому что соседка Клавдия Гурьевна так сказала.

– Ты про Лесовика знаешь? – спросил Анечку Сережа.

– А кто это? – Она удивленно взглянула на него и от любопытства открыла рот.

– Дед такой. На пне сидит.

Сережа шепотом рассказал все, что было ему известно. И про то, что Лесовик детей ворует, и про его фуражку с козырьком, и что заговаривать с ним никак нельзя. Анечка слушала внимательно, а под конец рассказа махнула рукой.

– Враки! Нет его!

– А вдруг есть?

– Ты октябренок, а во всякую чушь веришь! Небось, думаешь, что и Дед Мороз тоже есть? Ты что, маленький?

Тут баба Сима наказала всем командным голосом становиться в пары и ходить только так, на расстоянии шагов двух-трех друг от друга, чтобы не потеряться. Анечка подошла к Мише и взяла его за руку. – Я с тобой встану, можно?

Мишка победно глянул на Сережу, но руку все-таки высвободил из Анечкиных цепких пальцев.

Двинулись все в одном направлении – через канаву в глубь леса, уже по-осеннему красно-желтого. Жулька с визжащим восторженным лаем носилась кругами, иногда спотыкаясь о

сучья и застревая в высокой траве. Дед Шаня велел для порядка аукаться через каждые две минуты.

Сережа шел рядом с бабой Симой и все никак не мог понять, почему девчонки такие дуры. Вот эта Анечка, например. «Деда Мороза нет», «Лесовика нет», «ты маленький». Сама она маленькая! А Сережа очень даже большой!

Он смотрел в спины Мишки и Анечки и чуть не плакал от обиды. И хотя вот уже целый час в нем зрели сомнения в реальном существовании Лесовика, сейчас ему невероятно хотелось, чтобы тот все-таки жил, здравствовал и непременно встретился бы этим двум.

Лес оказался урожайным. Вездесущие сыроежки попались уже на месте выгрузки из автомобиля. Разномастные горькушки, белянки, серушки, подорешники, лисички путались под ногами, и было даже неинтересно их собирать – слишком уж много. Доньшки ведер, припасенных специально для солонух, быстро скрылись под пестрой грибной массой.

– Я подберезовик нашла! – закричала Анечка, вырвав вместе с травой ладненький, как с картинки, гриб.

Дед Шаня подошел к ней и, взяв находку в руки, сощурился.

– Этот выбросить надо, девуленька! Вишь, под шляпкой у тварюшки розово, значит, ложный.

– Правда? – обиженно надула губки Анечка.

– Верней верного. У-у, шпионская морда, как замаскировался! Как полицей бывший. И червем, червем-то не пригублен – тоже признак, что не съедобен. Червь – он, знаешь, поумней нас с тобой будет. Дрянь всякую в рот не берет.

Баба Сима отобрала у него гриб и зыркнула в сторону убежавшей вперед Мулечки:

– А шляпка, и впрямь, с розовой подкладкой, как у некоторых.

Анечка громко вздохнула и помчалась догонять Мишку. Баба Сима зашвырнула лжеподберезовик подальше в кусты и наклонилась к Сережиному уху:

– У тебя, Сергунька, глазки молоденькие, остренькие. Ты грибочки-то ищи, но за этой опереточной и ее внучкой поглядывай.

– Зачем?

– Дурные обе. Еще потеряются!

Сережа в утешение бабушке кивнул, но сам подумал: ну как можно потеряться? Вон по правую руку тропинка, по левую – заросшая канава. Солнце, как дед Шаня только что объяснял, должно быть все время сзади, а направление надо держать вон на ту сизую тучу. И дурак захочет – не потеряется!

Тут Мишка заорал во всю глотку:

– Красный!

Дед Шаня аж подскочил.

– Погодь, не срывай! Покажи, как растет. Ай, шельмец,

красавец какой! Точно ярмарочный!

Мишка сиял, как начищенный чайник. Все подбежали к покрытому бархатным мхом пеньку, возле которого прямо из середины буро-зеленого черничного куста торчала оранжевая шляпка. Точно кто-то чистил апельсин, а кожуцу выбросил. Жулька виляла хвостом и ликующе тьякала. Дед осторожно раздвинул листья и срезал под корень крепенький гриб. Ножка его сразу посинела.

– Ищите рядом, в черничнике. Чую, не один он тут, шельма!

Сережа присел на корточки и начал шарить по низеньким ягодным кустам, глядя ладонью их кудрявую шевелюру. Но больше подосиновиков не было. Дед Шаня поздравил всех с почином, то есть с первым благородным грибом, похлопал счастливого Мишку по плечу и велел всем шуршать ногами по кустам, а лучше – найти палки и ими приподнимать ветки.

Мишка гордо вышагивал меж сосен, насвистывая победный марш. Сереже, как назло, попался то разноцветный табор сыроежек, то моховики – тоже неплохо, но по деда-Шаниной табели о рангах стоящие далеко от подосиновиков. Возглавлял негласный грибной список генерал – белый гриб. Вот его бы найти! Сережа вспомнил, как они с мамой два года назад наткнулись сразу на пятнадцать штук. Ах, какие это были красавцы – с крепенькими ножками и коричневыми полукруглыми шляпками с кокетливыми прилипшими листиками! Так и стояли сейчас перед глазами –

ровным рядком, будто выстроились по росту, как на уроке физкультуры.

– О-ля-ля! – вдруг закричала Мулечка и запрыгала от радости. – Нашла! Нашла!

Она держала в руках огромную свинушку, напоминавшую крышку от бабы-Симиной кастрюльки для каши, и скакала на тропинке в немыслимом танце. – Я забыла! Я забыла! – то ли пропела, то ли прокричала Мулечка.

– Что, что вы забыли, любезнейшая? – учтиво пробасил дед Шаня, пробираясь к ней сквозь поваленные сучья.

– Свой год рождения в паспорте она забыла, – чуть слышно буркнула баба Сима и одернула кримпленовое пальто, по самому краю которого уже прицепилась каемка лесного «мусора»: желтые листики, травинки и даже слизняк.

– Забыла, как называется! – Мулечка вертела над головой огромным грибом, точно зонтиком.

– Свинушкам дорога в корзинку заказана, – дед Шаня погрозил пальцем, и было не понятно кому – Мулечке или грибу, – потому что ученые обнаружили недавно, что они для кровищи не шибко полезны.

Медицинскую тему подхватила тетя Валя, работавшая зубным врачом, и было решено, что все найденные Мулечкой и Анечкой грибы «от греха подальше» будут перво-наперво проинспектированы кем-нибудь из попутчиков.

– Старые грибы тоже не берем, – подытожил дед Шаня. – От старух один вред. Ядовитые могут оказаться, даже если

съедобными уродились. Токсины в шляпке вместе с водой собирают.

Баба Сима аж прыснула.

– Старухи никому не нужны! Верно говоришь! Слышь, Матильда Юрьевна, нас это тоже касается! Мулечка капризно надула губки:

– Что вы, что вы, Серафима Никитична! Ваш супруг о грибах говорит, а не о нас с вами! Да и какие мы старухи? – защebetала она, легко прыгая с кочки на кочку. – Мы – дамы элегантного возраста! А слово «старый» я бы запретила.

– Поддерживаю! – звонко отозвалась тетя Валя.

– Подытоживаю, чтоб всем понятно было, – подал голос молчавший до этого дядя Толя. – Грибы элегантного возраста даже не срываем, чтобы руки не пачкать.

Все засмеялись.

– Ах, не доводите меня до белого каления! – проворчала баба Сима и наклонилась собрать выводок лисичек.

Лес поредел и неожиданно одарил путников ватагой черноголовиков. Крепенькие, ладные, с темными шляпками, они стояли в напитанном влагой мху и так и просились в корзинку.

– Не место для беляков. Сыро. Надо на нашу поляну выходить, – сказал дядя Толя, срезая последний коренастый грибок и шаря ногами по мху в поисках спрятавшейся грибной малышни.

Все согласились. Дед Шаня ткнул палкой в воздух и велел двигаться правее.

Сережа шел понурым, начал уже уставать и нехотя откликнулся на бабы-Симино зычное ауканье – больше для того, чтобы его не ругали, чем от опасности потеряться. Да и как тут потеряешься – вон бабушкино синее пальто мелькает меж листьев в трех шагах, а вдали на фоне зеленой хвои розовеет шляпка Мулечки, да и слева постоянно желтеет ее неприятная внучка.

Сережа задрал голову. Туча висела совсем низко и была похожа на брюхо серого кота – мягкое, со светло-сизым подпушком. Хотелось запустить ладони в это меховое пузико, и казалось, подними руку к небу – достанешь его.

Он вздохнул и тут заметил, что Жулька чуть поодаль что-то откапывает. Ключья земли и мха летели в разные стороны, собака с азартом рыла лапами и мордой возле корней кривобокой чешуйчатой сосенки, энергично виляя хвостом и поскуливая.

– Жулька! – позвал Сережа.

Она не отреагировала.

Сережа побежал к ней, но Жулька, вытащив наконец из-под коряги старый башмак, припустила с ним прочь!

– Стой!

Сережа бросился следом. Жулька носилась с драгоценной находкой в зубах от дерева к дереву, прячась за стволами и с озорством выглядывая из-за кустов.

– Так ты в догонялки со мной играть! – крикнул Сережа. – А вот нарочно не побегу за тобой!

Жулька поняла его, вздохнула, выплюнула башмак, но так и осталась стоять на страже своего клада, помахивая хвостом. Сережа подошел к ней, нагнулся... И тут увидел рядом с оторванной башмачной подошвой огромную лакированную коричневую шляпку. Белый!

«Не может быть!» – была первая его мысль.

Но точно! Шляпка плотно сидела на толстой бежевой в рябой штришок ножке, а на самом верху гриба отдыхал, чуть подрагивая острыми коленями, «коси сено». Его тонюсенькие ноги-ниточки были сложены почти пополам, Сережа всегда удивлялся, как на них можно передвигаться. Словно затем, чтобы показать пришлому городскому грибнику, как он это делает, паучок вдруг вздрогнул, поджал ноги, точно спицы складного зонтика, распрямил их и в одно мгновение сполз со шляпки. Картинка эта напомнила Сереже сеялку, однажды виденную на колхозном поле Борисовой Гривы.

Он хотел было позвать деда и остальных, но вспыхнула сладкая мысль: «Я первый, первый нашел белый гриб! Первый!» Пусть они там собирают свои солонухи, а герой-то он – Сережа! Потом, когда наступит время ехать домой и все начнут грузить корзинки в машину, а баба Сима проворчит, что, мол, год не шибко урожайный на грибы, он как бы невзначай скажет: «Очень даже урожайный год! Смотрите, какой я белый нашел!»

Жулька радостно затыкала, и Сережа подмигнул ей – то ли еще будет! Один взгляд в сторону, и... он с замиранием сердца вдруг обнаружил, что белых тут целый эскадрон: выстроились вдоль вертлявой тропки, один другого краше. Вот это да! Просто сказка!

Корзинка уже оттягивала руку. Сережа выпрямился, по бабы-Симиному помял поясницу, крикнул, как дед, и сам засмеялся от своего обезьянничанья! Дядя Толя с тетей Валею скажут, что он молодчина, Мишка завистливо глянет исподлобья, баба Сима примется нахваливать внука и пообещает испечь свой коронный пирог с грибной начинкой. Дед Шаня причмокнет губами: «Ты, Сергунь, прямо как я в молодости!» Мулечка, наверное, сплет что-нибудь, а Анечка... А вот до Анечки ему совсем нет дела. Вот еще!

Сережа оглянулся по сторонам. Кругом желто-красно-зеленый лес, темные стволы и голые бордовые прутья. Синего бабушкиного пальто справа не было. И слева тоже.

Он повертел головой. Ничего не шелохнется! Тишина! Ни фигур вдаль, ни тропинки! Не слышно ни зычного дедова голоса, ни бабушкиного бурчания, ни легкого щебетания Мулечки.

– Ау! – закричал Сережа. – Ба-а! Деда!

С гиканьем взлетела из кустов большая серая птица. Сережа подождал мгновение – никто ему не ответил.

– Ау! Тетя Валя! Мишка! Я здесь!

Тишина. Сережа бросился бежать, уговаривая себя, что те проплешины в траве, куда он ставил ногу, и есть тропинка. Конечно, тропинка! Только заросшая, но именно по ней он пришел сюда. Следом неслась Жюлька, подпрыгивая на коротких лапках и пытаясь тявкать с зажатым в пасти башмаком.

– Громче, Жюлька, громче! – крикнул ей Сережа. – Они услышат!

Он мчался по траве и черничнику, и ветки хлестали по лицу, цеплялись за штанины и рукава. Быстрее, быстрее! Сейчас, вон за той елкой будет низина, где только что все нашли черноголовки! И канава должна быть высохшая, где же она?

...Но за колючими еловыми лапами показалось небольшое болотце – хлюпкое, с торчащими лохмами папоротника и стрелками хвоща.

Сережа дернулся, побежал назад, вверх по пригорку, на ходу тараторя:

– Деда! Деда! Я белых же! Белых же нашел! Белых же! Он споткнулся, упал, больно ударив подбородок о торчащие из земли колени-корни могучих сосен, сел на холодный травяной настил и с хрипом закашлял. Сердце стучало так, что, казалось, вспугнуло мелких пичуг и они вспорхнули из кустов пестрой россыпью, словно кто-то подбросил из газетного кулька шелуху от семечек. В горле, у самых миндалин, зашвербило.

– Белых же! Баб-Сим! Белых же!

Грибы рассыпались из корзинки, Сережа подбирал их негнушимаися пальцами. Верная Жюлька топталась рядом, то выплевывая башмак, то вновь вцепляясь в него зубами.

– Жюлька! – вскочил Сережа. – Где ты нашла это? Веди туда скорей! Ну же! Ну!

Собака виляла хвостом, била им по собственным бокам, поднимала и опускала лохматые уши, вертелась и воспринимала слова как призыв к игре. Потом подскочила к Сереже и, преданно заглядывая ему в глаза, положила башмак у его ног. Осинки рядом захлопали в глянцевые ладоши.

– Жюлька! Нюхай, нюхай! – Сережа тыкал башмаком под нос собаке. – Бери след! Веди туда, где им пахнет! Ты же пограничный пес!

Жюлька вырвала свою находку из Сережиных рук и помчалась напролом сквозь солому выцветшей высокой травы. Сережа было обрадовался, но через мгновение понял, что она снова наматывает круги, не соображая ничего в своем песьем ликовании от возможности поиграть. Сережа, закусив от досады губу и тихонько всхлипывая, наблюдал, как хвост горе-пограничной собаки мелькнул сначала за кустом справа, потом сзади, затем слева, и, наконец, счастливая морда высунулась из гнедой травяной гривы прямо перед ним.

– Эх ты! Ищейка!

Надо успокоиться и вспомнить, что говорил дед Шаня. Сережа потер шишку на лбу и отчаянно попытался вытащить из памяти дедовы слова. «Солнце должно быть все время

сзади, а направление надо держать на сизую тучу».

Он задрал голову. Небо было равномерно серым – таким же, как мокрая штукатурка, когда делали ремонт в коридоре. И где теперь это солнце – спереди, сзади или сбоку, поди разбери! А сизая туча, на которую надо было держать направление, набухла, расплзлась до горизонта, разбавилась небесной влагой, точно кисточку с акварельной краской промыли в баночке.

Сережа остановился. Бежать дальше было бессмысленно. Глаза Жюльки горели, и в них читалось искреннее щенячье удивление. Действительно, чего это хозяин не пытается отобрать у нее обслюнявленный башмак? Игра же, игра! Но Сережа почему-то играть не хотел. Слезы текли по его щекам, а сердце стучало так громко, будто метроном. И сразу стало страшно. Еловые ветки наклонились близко-близко, легонько хлопали по плечу, царапая иголками куртку, птицы надрывно плакали, и показалось, что кто-то совсем рядом тяжело дышит: ух, ух. Будто стонет.

Сережа снова закричал, и в горле заболело от хрипа, стало сухо, словно ему почесали там кусочком наждачной бумаги. Чтобы не слышать уханья рядом, он помчался на просвет между кустами слева, потом на просвет справа, потом обессиленно сел на пенек.

Сидел он, по его подсчетам, долго, пытаясь унять кололившееся сердце и придумать, что делать дальше. В голову

ничего путного не приходило. Задумчивость переросла в какое-то вязкое оцепенение, которое парализовало все тело, и только сильная, зудящая боль в запястье привела его в чувство. Сережа посмотрел на руку: она была красной, зудела, распухла прямо на глазах, как было однажды, когда он обжегся кипятком. По рукаву ползали муравьи. Сережа огляделся: они были везде – на брюках и сапогах и, кажется, даже заползли за шиворот, – и понял: он сидит на муравейнике...

...И снова бросился бежать. Для него было абсолютно очевидным – лес необитаемый, величиной с Ленинград, а может и с Ленинградской область, и сюда вряд ли доберется когда живая душа. То, что в каких-нибудь нескольких минутах быстрой ходьбы отсюда есть дорога и там припаркован Бегемотик, совсем не приходило в голову. Сережа попал в самый настоящий необитаемый лес, где не ступала нога человека, и переубедить его в этом, наверное, было бы невозможно.

Он бежал и бежал, и лишь одна мысль наконец остановила его. Это была мысль о том, что пень-муравейник, на котором он только что сидел, – с ровным срезом, точно дед снял ножиком подберезовик, а значит, здесь были, были, были когда-то люди! Он представил добрых лесорубов-дровосеков – таких, которые вытащили Красную Шапочку с бабушкой из брюха Серого Волка. У них, наверное, мягкие войлочные шапки и большие брезентовые рукавицы. Если они срубили здесь дерево – значит, пришли откуда-то пешком, ведь сле-

дов от шин нет! А раз пришли пешком, то и ушли пешком! Из этого следует... Из этого следует, что и он, Сережа, может запросто выйти из леса. Ведь лесорубы-то как-то вышли!

Он немного успокоился, отдышался, покрепче ухватил корзинку за витую плетеную ручку и для храбрости даже стал мурлыкать песню про летчиков, которую целый год учили в школьном хоре. Это придало сил. Жулька кругами носилась рядом, все еще с башмаком в пасти. И тут Сережу осенило: а вдруг это ботинок дровосека!

Получается, дровосек, спиливший дерево, на пне которого сейчас обживалась муравьиная коммуналка, к жилью так и не вышел. Точно! Вон и срубленный ствол, заросший древесными опятами, валяется поодаль!

Сережа ощутил, как разом заledenели пальцы ног в сапогах. Он снова побежал, теперь уже в другую сторону, прочь от этого места, а верная Жулька, поскуливая, устало трусила следом, но башмак не выплевывала.

Сколько прошло времени, понять было трудно. Солнце так и не вышло из-за тучи, хотя кое-где и протыкало сизое брюхо острой электрической спицей, и Сереже казалось, что надо обязательно идти на луч. Скоро он вновь наткнулся на колченогую сосну и по валявшимся рядом мелким грибкам сообразил, что уже был здесь: это те самые моховички, которые выпали из корзины, когда Сережа упал. Значит, все это время он ходил по кругу! От бессилия и отчаянья он при-

сел на корягу и закрыл лицо руками. Страха уже не было, но невозможность придумать, что теперь делать, сковывала руки и предательски щекотала ноздри. Сережа с сожалением вспомнил, что сегодня огрызался бабе Симе, когда та насильно одевала его для похода в лес. Он все на свете отдал бы сейчас, чтобы вновь услышать ее ворчание, переругивание с дедом Шаней и язвительные комментарии по поводу Мулечкиной шляпки! Да и саму Мулечку, и Мишку, и даже Анечку он был бы счастлив увидеть! Вот если смотреть внимательно, не моргая – кажется, что они сейчас выглянут из-за тех кустов. Или из-за этих...

«А вдруг они не будут искать? – неожиданно подумал он. – Вдруг они меня не любят?»

Слезы снова подкатили к глазам, и в носу защипало. В черничном кустике вдруг зашевелилось, и показались два маленьких глаза-бусинки, серо-бурая мордочка и черный нос. Нос втягивал в себя воздух, шевелился. Ежик!

– Привет! – сказал Сережа, затаив дыхание.

Ежик чихнул и попятился назад, в вельветовые листья своего убежища.

Сережа сорвал горькушку, росшую прямо у ног, надломил шляпку. Выступило молочко, белое и чистое. Он лизнул, ощутил горечь на языке и тут понял, что сильно проголодался. Редкие ягоды черники, оставшиеся после июльской засухи, бисерная, но сочная брусника и ватная толокнянка – все отправлялось в рот, а сытость не наступала. Сережа по-

думал про Робинзона Крузо, даже сравнил себя с ним. Тот попал на необитаемый остров, и лес в Борисовой Гриве – тоже ведь необитаемый остров! Практически никакой разницы! А Робинзон ведь выжил! Выжил!

Правда, у Робинзона вокруг были бананы... Сережа с грустью вспомнил бутерброды с сыром и пупырчатые огурцы, приготовленные тетей Валей, вздохнул и посмотрел на непонятные ягоды – продолговатые, как фасоль, сине-черные, с матовым, словно запотевшим бочком. Но подойти к ним не решился. А вдруг они «волчьи»?

В животе забулькало. Он сорвал сыроежку в нарядной красной шляпке, понюхал ее. В ноздри вполз запах леса, старых хвойных иголок, мокрой травы и чего-то незнакомого. А что? Ведь недаром сыроежку зовут сыроежкой – должна быть съедобной. Ее, судя по названию, сырой едят. Да и дед Шаня рассказывал, как он с партизанами, просиживая сутки в засаде, за милую душу уплетал такие вот сыроежки.

Сережа снял липкую пленочку. Шляпка была белой с розовым темечком. Он осторожно откусил краешек – гриб оказался терпким, немного ущипнул язык, но горечи не было. Эх, посолить бы ее!

Укусы на руке горели. Сережа до крови расчесал их, и от этого стало еще хуже, будто и вправду ожог какой-то там степени. Он пытался припомнить, какой именно степени, вызывал в памяти плакат на стене медкабинета в школе – там были нарисованы солнце, огонь и ядерный гриб. Вот, навер-

ное, как ядерный гриб... Последнюю четверть Сережа был санитаром, ходил с повязкой на руке и делал вид, что умеет оказывать первую помощь. Именно делал вид, потому что на самом деле никому еще настоящей санитарной помощи не оказал.

Жулька выскочила из травы, бросила ставший ей уже родным башмак и, тихонечко поскуливая, подбежала к низеньким лысоватым кустам. Принюхалась, тявкнула и начала подпрыгивать, словно хотела заглянуть, что там, поверх зарослей.

Прыгала она высоко. Когда-то Сережа мечтал за такую прыгучесть отдать ее в цирк, раз уж пограничного пса из нее никак не выходило. Сидя на коряге, он наблюдал за Жулькой и вспомнил связанную с ней трогательную историю. Ему самому тогда было шесть лет. Жульку недавно подобрали на улице, уже взрослой, и вся семья долго гадала, сколько же ей лет. Так и не поняв, решили считать ее щенком. Была зима, и дети во дворе строили снежную крепость. Стены сделали надежными, толстыми, высотой – Сереже по плечи. Кремль поднимался из бесформенного сугроба быстро, одна за другой вырастали башенки-бойницы. Дети были внутри крепости, а Жулька поскуливала снаружи, безуспешно пытаясь сделать подкоп. Увлеченный игрой, Сережа даже забыл о собаке, пока не увидел вдруг кончики лохматых ушей, каждые две-три секунды появлявшиеся в проеме обледене-

лой бойницы. Жулька прыгала! Гонимая любопытством, она пыталась дотянуться до кривенького окошечка амбразуры и заглянуть внутрь крепости. «Давай, Жулька, выше!» – кричал ей Сережа. Через стену было слышно, как она тяжело, с сипом дышит. Чуть-чуть дает себе передых и снова прыгает, но так и не может заглянуть в бойницу. Дети начали смеяться, подтрунивать над ней. Сережа смотрел на мохнатые песьи уши, показывающиеся в оконце, и так до смерти ему стало обидно за Жульку – за ее нелепые попытки, за смех своих товарищей, за молчаливое наблюдение взрослых поодаль, что он взял лопаточку и снес всю амбразуру с частью стены. В следующий миг он увидел счастливую песью морду, сумевшую наконец заглянуть внутрь крепости. Дети за такой поступок сразу изгнали Сережу из своей игры. Унося на руках домой счастливую Жульку, он шептал ей в мохнатые уши: «Ты сама допрыгнула, ты сама!» А она лизала его лицо и смотрела так преданно...

Воспоминания его успокоили. Сережа снова откусил от сыроежкиной шляпки и сплюнул. Уж больно невкусно! Жулька все подпрыгивала и подпрыгивала, как тогда зимой. – Жулька! – Сережа подошел к ней ближе.

Собака виляла хвостом и тыкалась мордочкой в частокол прутьев по-весеннему зеленого кустарника. Башмак, приоткрыв пасть-подошву, преданно лежал рядом. Сережа раздвинул руками ветки и замер...

...За кустарником была небольшая поляна, круглая, будто циркулем ее обвели, с неровным ежиком пегой травы. В центре, на низеньком пне, тянувшем сучковатые щупальца прямо к Серезиным ногам, сидел высокий дед в брезентовой плащ-палатке с надвинутым по самые мохнатые брови козырьком фуражки. Его худая шея уходила в воротник толстого свитера, короткая щетинистая борода стояла торчком, плечи были узкими и, наверное, острыми под одеждой. Рядом с пнем валялся горчичного цвета мешок, перемотанный у горловины толстой бечевой.

«ЛЕСОВИК!»

Сереза оцепенело смотрел на него, не в силах пошевелить ни рукой ни ногой.

Дед чуть поднял голову и в упор посмотрел на непрошеного гостя. Взгляд исподлюбья был тяжелый, глаза темные – будто даже не глаза, а бабы-Симины пуговицы от халата. Подбородок прорезала черточка тонкого рта, схваченная скобками глубоких носогубных складок. Губы шевелились – дед неторопливо что-то жевал.

«Он это! Лесовик! И борода есть, и фуражка с козырьком!»

К Серезиным ногам протиснулась сквозь прутья Жулька с башмаком в зубах.

– А-а! Вот где мой туфля!

Голос у деда был немного свистящий, как будто он всасывал воздух через зубы.

Сережа вздрогнул, почувствовал, что струйка ледяного пота побежала меж лопаток по позвоночнику. «Бежать! Прочь! Прочь!» – кричало внутри. Но тело не слушалось. Ноги будто вросли в землю. Пальцами через сапоги он ощущал острые колья обломанных прутьев. Сил не было даже на то, чтобы моргнуть. – Жучка, подь сюда! – Дед протянул к собаке жилистую загорелую руку с зажатой между пальцами коркой белой булки.

Сережа чувствовал тепло, исходящее от песьего тела, прижатого к его ноге.

– Она не Жучка... Она Жулька... – чуть слышно ответил он, нагнулся, чтобы ухватить собаку за ошейник.

В этот момент Сереже казалось, что, прикоснись он пальцами к родному существу, хотя бы к псьему загривку, и будет совсем не так страшно. А может, и дед вовсе исчезнет.

Но бесшабашная дурная Жулька рванула от него, снова принимая все за игру, и начала носиться по поляне, наматывая круги вокруг пня с дедом. Башмак закрывал ей полморды – как раз ту половину, где были глаза, и в конце третьего круга, не имея никакого обзора, Жулька врезалась в дедову ногу, упала на спину, перекувырнулась и задрогала в воздухе короткими лапками.

– Ах ты, кабыздох! Веселая у тебя собака! – засмеялся неприятным сиплым смехом дед, почесывая ей пузо.

Сережа заметил у него на руке наколку в виде половинки солнца. Меж толстых коротких лучей, пересекавших го-

лубоватые жилы, проступала надпись «ВИТЯ».

«Точно Лесовик! – крутилось в Сережиной голове. – А все не верили!»

Дед лукаво смотрел на него.

– Ну что, малец? Грибки собираешь?

Сережа кивнул.

– И много нашел?

– ...В-вот.

Сережа протянул вперед руку, но не сумел унять дрожь, и было заметно, что корзинка покачивается, точно детская люлька. Страх, впрочем, уже чуть-чуть отпустил. Но горло по-прежнему было зажато железной прищепкой.

– Поди сюда, не бойсь. И-и! Да у тебя беляки тут! Звать как?

– Сережа.

– Громче, плохо слушаю. Контузия.

Сережа прокричал имя еще раз.

– Да не ори так, – дед фыркнул и почесал шею под воротником свитера.

Жулька подскочила и завиляла хвостом. Башмак валялся у дедовых ног, и непонятно было, почему он назвал его «мой туфля», ведь на нем резиновые сапоги – такие же, как у деда Шани.

– А почему не спрашиваешь, кто я?

Сережа боялся задать этот вопрос. Ну, спросит он, и что? Тот ответит: «Лесовик».

– Травы я собираю.

«Врет!»

Сереза нарочито улыбнулся, кивнул – пусть, мол, думает, что поверил.

– А ты с кем здесь в лесу?

Сереза подробно перечислил всех своих. Подумал и добавил:

– А с нами еще полк солдат за грибами пошел. Туточки, рядом совсем ходит.

– Полк солдат, говоришь? – сощурился дед. – Да где ж они?

– Да во-он там. – Сереза начал пятиться к кустам, сам показывая рукой за спину деда.

Тот оглянулся. Сереза улучил момент и, бросив корзинку, рванул, как лось, через кусты напролом. Прочь, прочь от Лесовика!

Он бежал долго, потом упал на траву и, хватая воздух ртом, жадно заглатывая его, ткнулся лбом в мшистую кочку. И заревел в голос.

Отчаянье было огромным, горьким на вкус, как молочко у той самой горькушки, объяло его целиком, будто накрыло мокрым колючим одеялом. Жулька осталась там! Там! И надо было встать с земли и вернуться за ней!

Сереза медленно поднялся и оглянулся.

Дойти до полянки оказалось просто – он убегал от нее по

прямой. Рука осторожно раздвинула прутья разлапистого ку-ста. Дед все так же сидел на пне и, усмехаясь, смотрел на него. Жюлька, горе-пограничный пес, ела булку у него с ла-доней. Завидев Сережу, она взвизгнула, подбежала и ткну-лась мордой ему в ногу.

– А мы уж думали, ты сбежал! – сипло засмеялся дед. – Корзинку с грибами не взял. Собаку тоже. Никак боишься меня?

Сережа на всякий случай схватил Жюльку за ошейник.

– И ни капельки не боюсь!

Слова звучали как-то неуверенно.

– Не бойся. Я с виду страшный. А внутри – мушкетер.

Сережа от удивления приоткрыл рот.

– Ты, я так кумекаю, потерялся.

– Нет, нет! Ничего я не потерялся! – Сережа отчаянно за-вертел головой.

– Голоса у меня нет. Осип маленько. А ну, аукнись.

– А-у!

– Громче.

– Аааа-ууу! – напрягая голосовые связки, заорал Сережа.

– Вишь, тишина. И где они, твои бабушки-дедушки, дя-ди-тети? Да еще полк солдат к ним в придачу?

Сережа молчал. Дед снял фуражку. Голова его оказалась продолговатой формы, в короткий редкий ежик седых во-лос. Он наклонился, пододвинул сучковатой палкой Сережи-ну корзинку и принялся перебирать в ней грибы, комменти-

руя каждый. Было видно, как на его стриженном затылке ходят ходуном два желвака, а там, где голова нанизана на шею, выступает толстый, как червяк, рубец.

– Ты все-таки боишься меня. Вона, сверлишь глазами череп, как буравчиком, через кожу вижу, – не поднимая головы, с усмешкой сказал дед. – Я что, похож на Бабу-ягу?

Он провел тыльной стороной ладони по шраму, и синие татуированные лучи надломились от толстой складки, смяв надпись «ВИТЯ», точно салфетку.

– Нет, не похожи, – выдохнул Сережа. – Баба-яга... Она такая...

– Какая?

– Ну... Она... Во-первых, женщина.

– Та-ак...

Дед выпрямился и с интересом посмотрел на него. Сережа вспомнил, что дед Шаня, когда злился на бабу Симу, часто называл ее Бабой-ягой. А та его брянским лешим.

– А во-вторых... Ну, ступа должна быть. И это... как ее... на курях...

– Молодца! Логично мыслишь. Пионер?

– Октябренок.

– Ступы и этой, на курях, у меня нет. А вот булка есть. Сахарком с утра для сытости посыпал. Барбос твой не отказался. На вот, пожаткай.

Дед вынул из мешка желтую горбушку. Сережа не знал, что делать. А вдруг она отравленная? Он переминался с ноги

на ногу и все еще подумывал о побеге. Останавливала опять Жулька, которая при виде булки снова вырвалась и потрусилась к деду. Но не бросать же ее! Да и булки хотелось...

– Нет, спасибо, не надо, – сглотнув слюну, сказал Сережа. Дед прищурился.

– Ну, то, что я не яга никакая, и совсем, слава-те, не баба, мы разобрались.

«Вот если размышлять логически, как учил дед Шаня, – подумал Сережа. – Лесовик – он кто? Дед лесной. Это сходится. Детей ворует. Ну, ему это пока не удалось, я быстро бегаю... Зачем ворует? Чтобы съесть...»

Жулька получила свою корочку с мякотью и активно задвигала челюстями.

«А если он меня хочет съесть, то вряд ли будет кормить отравленной булкой. Я вот ее проглочу, напитаться ядом, несъедобным стану, и он потом сам помрет от несварения... Не дурак, должен же понимать. Да и Жулька уплетает с аппетитом, замертво не падает».

– Ну, коли не хочешь... – Дед начал заворачивать булку в тряпицу.

– Разве что корочку... – нарочито безразлично сказал Сережа. – Маленькую. Так, попробовать...

Дед улыбнулся и отломил ему ломоть.

Булка оказалась необыкновенно вкусной. А может, Сережа никогда в жизни таким голодным не был. «И хорошо, что

сахарным песком посыпана! Надо будет всегда так делать!»

– А что у тебя кровь на руке? В боях раненный? – усмехнулся дед.

– Муравьи покусали, – сказал Сережа и снова почувствовал боль и жжение.

– Не чеши!

Дед поглядел по сторонам, сорвал пару незнакомых Сереже цветков – каких-то желтых, круглых, голых, точно канцелярские кнопки, и растер их в ладонях.

– Давай руку!

Сережа убрал обе руки за спину.

– Да не болит уже...

– Не бойся, это пижма. Вылечит тебя – моргнуть не успеешь.

Сережа протянул ему пятерню. Дед положил смятые желтые цветы-кнопки с листьями на расчесанную рану, сверху прижал большим листом подорожника и перевязал кисть длинными травинками в несколько оборотов. Получилась аккуратная повязка. Сережа сразу почувствовал, как защищало, принялся дуть на руку. Дед молча наблюдал за ним. – И что теперь будет?

– Все. Рука теперь точно отвалится.

Сережа перестал дуть и с ужасом взглянул на деда. И тут почувствовал, что боль вдруг начала отступать и руке уже не так горячо.

– Ой, не могу! Ой, насмешил, – хохотал дед. – Лесовик! Надо же, постренята, что выдумали! Я и не слыхивал про такого! Да и тощий ты. Кожа да кости, мяса мало! Не больно-то сыт будешь с такого обеда. Разве что собакой твоей закусить.

Сереза перестал жевать и уставился на него.

– Да шучу я, шучу! Не смотри на меня так!

Сереза с набитым ртом тоже изобразил смех.

– А вы... Как ваше настоящее имя?..

– Настоящее? – хохотнул дед. – Да ты меня так и зови Лесовиком. Мне понравилось. Скажешь своим, мол, так и так, не враки, встретил его в лесу, насилу ноги унес.

– Не поверят.

Укусы на руке уже совсем не зудели. Сереза даже надавил на повязку – ни боли, ни жжения. Чудеса!

Дед наблюдал за ним, улыбаясь.

– Ну, сказочник мой, пошли, что ли. Доведу тебя до цивилизации.

Они направились сквозь высокие заросли. Сереза тащил свою корзину с грибами, рядом бежала Жулька с башмаком в пасти. Дед шел ровным размеренным шагом, и было очевидно, что он точно знает, куда идти.

– Я ведь местный, – ответил дед на Серезин немой во-

прос. – Каждый сучок мне знаком. Травник я. Былинки всякие собираю и людев лечу. Они мне благодарны. Молоко приносят и крупу. И рыбу с булкой тоже.

Он наклонился и сорвал пожелтевшую травинку.

– Вот это думаешь так, сено?

Сережа уставился на его ладони.

– А это спорыш. От почек хорош.

Дед погрыз стебелек и направился дальше к видневшимся на пригорке соснам.

– Иван-чай вот собираю. Пастушью сумку. Зверобой тоже. Еще с двадцатку видов разных, тебе названия ни о чем не скажут. Вот ты болеешь чем-нибудь?

– Не-а, – Сережа помотал головой и даже пожалел немного, что ничем не болен. – В детстве коклюш был.

– От коклюша мать-и-мачеха хороша. Только ее по весне брать надо.

– У бабы Симы ревматизм! – вспомнил Сережа.

– Тогда багульник нужен. Заварить, настоять и пить три раза в день.

Сережа слушал деда, открыв рот. Дед светился весь, когда говорил о травах. Иногда он наклонялся, срывал какую-нибудь зеленую ниточку, называл ее диковинно – то что-то медвежье, а то заячье – Сережа запоминал только первое слово – и бережно клал в мешок.

– А грибы почему не собираете?

– Да не ем я их, – вздохнул дед. – Сам уже как гриб. Ста-

рый.

– Гриб элегантного возраста... – Сережа засмеялся, припомнив утренний разговор в лесу.

Дед посмотрел на него серьезно. Потом заулыбался щербатым ртом и, поплевав на ладонь – ту, где с тыльной стороны был «ВИТЯ», – провел ею по седой щетине на щеках:

– Правильно. Я – гриб элегантного возраста.

Солнце прорвало острым шилом тучу и вылилось впереди низко-низко, подсветив лес розовой дымкой. Близкий шум за плотной изгородью кустов подсказал: совсем рядом дорога.

Сережа ступил на грунтовку и завертел головой.

– Ну, где ваша машина? – спросил дед.

Обочина была пуста.

«А вдруг они уехали без меня! Не дождались! А вдруг они меня не любят?» – кричало у Сережи внутри.

– Не могли уехать, – словно подслушал его мысли дед. – Небось, носятся сейчас по лесу, как раненые выхухоли, тебя ищут.

Сережа понятия не имел, как носится раненая выхухоль, да и, вообще, кто такая выхухоль, но представлял это именно так: впереди ледоколом прорубает кусты баба Сима, за ней, как корабельная мачта, высится дед Шаня, потом остальные, по бокам, как галерные весла – Мишка с Анечкой, а замыкает все это, точно флаг, розовая шляпка Мулечки. Именно

так должна плыть по лесу неведомая и гордая выхухоль.

– Смотри! Видишь вон там? – дед указал на невнятную точку вдалеке.

Сережа сощурил глаза и вгляделся. И правда! Что-то виднеется на обочине. Бегемотик!

Они прибавили шаг, и поначалу казалось, что это вовсе не автомобиль припаркован впереди, а корова пасется – откормленная, с покатыми рыжими боками. Но еще пять минут пути, и звездочка на белом коровьем лбу превратилась в знакомый знак VW, а копыта в шины – три старые, одна новая, черная. Сережа ускорил шаг, потом побежал и с невероятным счастьем прижался щекой к пыльной морде Бегемотика. Жюлька взвизгнула и начала подпрыгивать, пытаясь достать до окошка и заглянуть внутрь. Как тогда, в снежной крепости. Сережа подмигнул ей и засмеялся, снова вспомнив ту историю.

– Посигналить надобно, – резонно заметил дед. – Твои услышат и вылезут из леса.

– Так двери закрыты! – Сережа с досадой стукнул по стеклу кулаком.

– Не беда. В разведке мы и не такое открывали.

– Так вы разведчик? – рот Сережи открылся сам собой.

– Было дело. Где наша не пропадала! – подмигнул дед. – Только с-с-с, никому. Я засекреченный!

Сережа закивал. Дед обошел Бегемотика со всех сторон,

потом достал из мешка алюминиевую ложку и, просунув ее в щель между дверцей и кузовом, с гордостью произнес:

– Опля. Всего делов-то! Скажи своему дяде, что замок у него сопливый, менять надо. Ну, что застыл? Жми на клаксон!

Сережа забрался на переднее сиденье и со всей силы надавил на гудок. Бегемотик отозвался басовитым протяжным воем. Лес за обочиной вздрогнул, поднимая в воздух птиц. Сережин кулак давил на черный пятачок на руле – еще и еще, звук рикошетом отскакивал от стволов и веток, и казалось, что все деревья пытаются ветками заткнуть уши от такого шума. Где бы эти уши у них ни росли.

Прошло, наверное, минут пять, и вдали показалась маленькая фигурка, замахала руками.

«Дядя Толя, – подумал Сережа. – Он ни с кем не перепутает голос Бегемотика!»

– Ну, вона, смотри. Щас твои, как тараканы, из леса выползут, – сказал, улыбаясь в бороду, дед.

И точно! Вдали, из кустов, словно десант, появились гуськом сначала баба Сима, за ней дед Шаня, Мишка, тетя Валя и Мулечка с внучкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.